

СЕРГЕЙ

ШВЕДОВ

ПИЛЛИГРИМЫ

Крестоносцы

Сергей Шведов

Пилигримы

«Автор»

2014

Шведов С. В.

Пилигримы / С. В. Шведов — «Автор», 2014 — (Крестоносцы)

Крестовый поход, организованный европейскими государями в ответ на падение Эдесского княжества, не задался с самого начала. Византийский император Мануил оказался человеком не робкого десятка, с порога указав незадачливым крестоносцам, что восток дело тонкое и воинственных хамов долго терпеть не будет. Увы, урок, преподанный византийцами, не пошёл вождям нового похода на пользу, и за самоуверенность своих венценосных вождей сполна заплатили рыцари и ополченцы.

Содержание

Часть 1 Крестом и мечом.	6
Глава 1 Шевалье.	6
Глава 2 Осада Добина.	16
Глава 3 Пляска святого Вита.	24
Глава 4 Господин Великий Новгород.	35
Глава 5 Княжеская охота.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Шведов

Пилигримы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1 Крестом и мечом.

Глава 1 Шевалье.

Князь Никлот пребывал в беспокойном расположении духа вот уже несколько дней. Вести с Рейна шли одна тревожнее другой, но четкой картины происходящего у вождя ободритов пока не сложилось. Кажется, дело шло к новому крестовому походу. Никлота не волновала судьба сарацин в далекой Сирии, но не могло не тревожить положение на торгу Микельбора, который угрожающе пустел. Почему алеманские гости вдруг поворотили свои торговые ладьи в иные пределы, не знал никто. Обид в Микельборе им не чинили и уж тем более не гнали с насиженных мест. Даже купцы из Любека, считавшиеся в столице ободритского княжества почти своими, перестали появляться на мощеных улочках вдоль и поперек исхоженного города. Все это было, конечно, неспроста. Кто-то явно предупредил торговцев о грядущих несчастьях в землях ободритов.

Князь недовольно постучал пяткой по половице, неожиданно просевшей под его грузным телом. Половицу следовало поменять, а приказного Осмысла взгреть, чтобы впредь внимательнее следил за обустройством палат. Никлот был далеко немолод годами и уже готовился переступить шестидесятилетний рубеж, но до сих пор не избавился от горячности, свойственной ему с молодости. Казалось бы, ну что за беда эта подгнившая половица, а Никлот разгневался так, словно на него рухнула потолочная балка. Воевода Родияр, стоявших у открытого окна обширного зала, осуждающе покачал головой. Негоже князю так себя ронять да еще в присутствии мечника, впершегося в княжьи покои невесть по какой надобности.

– Ну?! – резко повернулся Никлот.

– Чужак во дворе трется, – пояснил смущенно мечник. – Просит твоего внимания, князь.

– Кто такой?

– А бес его знает, – почесал затылок Бориц. – Волосом светел, ликом черен. Мы меж собой подумали – не из Навьего ли мира его к нам занесло? Одет как алеман, но человеческую речь разумеет. Словом, не поймешь кто.

– Вооружен? – холодно спросил Родияр.

– Два коня при нем, копьё, меч у пояса, щит к седлу приторочен – рыцарь одним словом.

– Зови, – коротко бросил князь, присаживаясь в кресло – не стоять же столбом перед чужаком. И без того много чести, что в дом зван.

Никлот с воеводой ждали чудища, но в дверь вошел среднего роста человек со светлыми волосами и сильно загорелым лицом. Пожалуй, только этот загар и выдавал в нем пришлого, ибо под скупым северным солнцем такого не обретешь. Вот и пойми этих мечников – с чего это им в голову пришло, обзывать дивом самого что ни на есть обычного алемана.

– Я франк, с твоего позволения, – поправил хозяина гость. Держался он с достоинством, но без высокомерия, столь свойственного заезжим рыцарям. – Филипп де Лузарш. Шевалье из Сирии.

Никлот с Родияром переглянулись – занесло, однако, чужака. Вот откуда этот темных загар, так смутивший княжских мечников. В той Сирии, по слухам, солнце вообще не заходит. Палит и палит с вечера да утра и с утра до вечера. Немудрено, что даже белокожие франки на том солнце обугливаются до черноты. Одет был гость по-дорожному – в кожаный гамбезон без рукавов и алую рубаху из шелка. Вот только вместо привычных для франков и алеманов шерстяных чулков-шоссов, плотно облегающих ноги, на нем были штаны синего цвета. И обут он был не в черви, едва прикрывающие щиколотки, а в мягкие сапоги, подвязанные выше колен ремешками. В таких ходят обычно купцы из далекой Византии.

– Садись, шевалье, – кивнул Никлот на стоящую у стены лавку. – В ногах правды нет.

Сам князь поднялся с кресла и прошелся по залу – почванился перед гостем и будет. А разговаривать с заезжим франком лучше всего стоя, по возможности глядя ему прямо в глаза. К слову – на удивление голубые.

– Письмо у меня к тебе, князь, от благородного Ратмира.

– А кто он такой, чтобы слать мне письма?

– Ведун из Арконы, – спокойно отозвался гость. – Вот его перстень, а вот послание.

Перстень был действительно арконской и явно не простой. Если по вязи судить, то дан он ведуну высокого ранга посвящения. Что, впрочем, ни о чем еще не говорит.

– Перстень можно с трупа снять, – негромко произнес Родияр.

– Вот именно, – кивнул Никлот, разворачивая письмо, написанное даже не на пергаменте, а на бумаге, которая в Европе стоила немалых денег. Но, похоже, в далекой Сирии не привыкли стесняться себя в средствах. Впрочем, руги как раз и славились в окрестных землях умением пускать пыль в глаза. Никлоту очень бы хотелось знать, каким ветром занесло арконского ведуна в далекую землю, которую христиане именовали Святой. Князь умел читать тайные знаки, а потому очень скоро пришел к выводу, что написаны они надежной рукой.

– Одного я только не понял, благородный Филипп, почему ведун называет тебя русом, а ты себя франком? – нахмурился Никлот.

– Прадед мой был выходцем из Киева, оттого и прозвище такое у моего рода – Русы.

– А в Сирии ты как попал? – любопытствовал Родияр.

– Я там родился, – усмехнулся Филипп. – Мой отец и Ратмир вместе штурмовали Иерусалим.

– А зачем арконскому ведуну понадобился чужой город?

– Ему не город был нужен, а око Соломона. Но это тайна не моя.

– Понимаю, – задумчиво протянул Никлот. – Так зачем ты к нам пожаловал, шевалье де Руси?

– Зови меня Лузаршем, князь, дабы не вводить людей в заблуждение, – попросил Филипп. – А приехал я в Микельбор, чтобы предупредить тебя о грядущем вторжении. Вопрос о крестовом походе на славян был решен в марте на Франкфуртском сейме. Бернар Клевроский призвал раз и навсегда очистить побережье Балтийского моря от язычников. Его горячо поддержали Генрих Лев, внук покойного императора Лотаря, и маркграф Альбрехт Медведь.

– Ты что, присутствовал на этом сейме?

– Я представлял на нем графство Антиохийское, – пожал плечами шевалье. – Месяц назад попа Евгений в специальной булле подтвердил решение, принятое во Франкфурте и благословил воинов христовых на борьбу с язычниками.

– Выходит поход в Сирию отменяется? – спросил Никлот.

– Нет, – покачал головой Филипп. – Он состоится. Людовик Французский и Конрад Германский уже заявили о своем желании принять крест и отомстить сарацинам за христиан, убитых в Эдессе. Алеманы полагают, что у них хватит сил и на турок, и на славян. Во всяком случае, так утверждал епископ Дитмар Гевельбергский. Именно он назначен папским легатом при армии крестоносцев, идущих в ваши земли. Епископ Дитмар рассчитывает на помощь датчан. Их князья Свен и Канут уже выразили готовность присоединиться к делу угодному Богу. Наступать решено двумя колоннами. Одна, во главе с Генрихом Львом, Конрадом Бургундским и архиепископом Адальбертом Бременским, двинется с Нижней Лабы в ваше княжество, другая – из Магдебурга в земли лютичей. Ее поведут пфальцграфы Герман Рейнский, Фридрих Саксонский и маркграфы Альбрехт Медведь и Конрад Мейсенский. Надо полагать, все эти люди вам хорошо известны. Что касается меня, то я успел познакомиться только епископом Дитмаром и благородным Генрихом, на редкость наглым мальчишкой, которого льстецы совершенно напрасно называют Львом.

Князь Никлот и воевода Родияр переглянулись – вести были важные вот только гость не вызывал доверия.

– У тебя все? – спросил князь.

– Могу только добавить, что сейчас епископ Гевельбергский находится в Любеке. Готовит там базы с продовольствием и снаряжением, ибо на совете вождей было решено, что армию крестоносцев лучше снабжать морем.

Никлот подошел к двери и севшим от переживания голосом позвал мечника. Бориц явился незамедлительно и уставился вопросительно на князя. Умом мечник не блистал, но в его преданности не приходилось сомневаться.

– Проводи шевалье и проследи, чтобы он ни в чем не знал недостатка.

Все сказал гость или скрыл что-то от хозяев, но ситуация в любом случае складывалась скверная. Предчувствие в очередной не обмануло князя – ждал беды, и она пришла. Однако воевода Родияр с выводами не торопился. По его мнению, шевалье могли подослать враги ободритов, чтобы окончательно рассорить их с алеманами.

– Не верю я, что ютландцы Канута и шоненцы Свена могут вот так просто взять и примириться между собой. Пусть даже по слову папы Евгения.

– Зато их может примирить жажда добычи, – тяжело вздохнул Никлот. – В любом случае нам следует послать людей к лютичам и ругам. В одиночку нам с такой силой не справиться.

– Так ведь князь Ратибор христианин? – запротестовал Родияр. – В столице лютичей Щетине уже давно находится епископ.

– Какое дело Альбрехту Медведю до нашей веры, – криво усмехнулся Никлот. – Боюсь, что лютичей не спасет даже пришлый бог, если алеманы навалятся на них скопом. Они идут за землей и золотом.

– И что ты собираешься делать? – нахмурился Родияр.

– Алеманам нашу землю не пахать и наших медов не пить, – твердо произнес Никлот. – Передай боярам и старейшинам, чтобы готовились к войне. Все, что можно спрятать, пусть прячут, а остальное следует сжечь. Людей пусть уводят в болота. Летом алеманы туда не сунуться, а до зимы мы их постараемся избыть. Ты Родияр займешься Добинем. Подновишь стены крепости, запасешь продовольствие на случай долгой осады. Микельбор нам в любом случае не удержать, а вот Добин совсем другое дело. Эта крепость на болотах спасала наших дедов, выручит и нас.

Филипп жил у гостеприимных ободритов уже вторую неделю, но никаких приготовлений к войне так и не увидел. Относились к нему терпимо. В перемещениях по городу не препятствовали. Но по всему было видно, что пришлому человеку они не поверили. Филипп несколько раз побывал на торгу, осмотрел городской вал и стены. Микельбор мало чем отличался от городов, виденных шевалье на Рейне и в Северной Европе. По преимуществу столица ободритов была застроена деревянными домами, но встречались и каменные палаты. Городская цитадель, расположенная на невысоком холме, хоть и была обнесена стеною, но особого уважения не внушала. Князю Никлоту следовало бы подновить свое собственное убежище и всерьез заняться городскими укреплениями. В частности приворотной башней, расположенной как раз напротив Торговой площади. Конечно, Филипп мог попытаться покинуть Микельбор, но в этом случае его наверняка сочли бы лазутчиком и приняли бы соответствующие меры. Поэтому Лузарш терпеливо ждал, когда на ободритскую землю обрушится беда, и здешние правители, наконец, поймут, как опасно предаваться лени в нынешние беспокойные времена.

Знакомых в Микельборе у Филиппа не было, местные жители сторонились чужака, а потому он не на шутку удивился, когда его окликнули по имени. Базиля Лузарш узнал далеко не сразу, хотя нельзя сказать, что сын Венцелина фон Рюстова сильно изменился за пятнадцать

лет, миновавших со дня их последней встречи. Скорее всего, в заблуждение его ввела одежда Базиля и его окружение, состоящих из дюжих молодцов в кольчугах и панцирях.

– Вот уж не чаял встретить здесь именно тебя, – обнял за плечи старого друга Базиль. – Хотя мог бы догадаться, увидев перстень Бернара де Сен-Валье.

– В здешних краях его следует называть Ратмиром, – подсказал фон Рюстову Лузарш. – Дабы не вводить в смущение хозяев.

– Так и я прибыл не из Ростова, а из Новгорода, – усмехнулся Базиль. – Здесь меня знают как Вузлева Гаста. А Глеба ты, выходит, не признал?

На счет этого красивого рослого молодца с зелеными как весенняя трава глазами мог бы ошибиться любой его прежний знакомый. Глеб Гаст покинул Святую Землю, когда ему не было еще и четырнадцати лет, а сейчас перед Филиппом стоял взрослый человек, непохожий, к слову ни на отца, ни на мать. Для того чтобы обнять его Филиппу пришлось встать на цыпочки, ибо Глеб перерос не только Базиля, но и своего Старшего брата Драгана де Раш-Гийома, с которым Лузарш расстался всего-то полгода назад.

– Значит, Драган жив?! – обрадовался Базиль. – А мы уже лет шесть не имели от него вестей.

– Как здоровье благородных Венцелина и Марьицы? – спохватился Филипп.

– Похоронили обоих два года назад, – вздохнул Базиль. – Сначала отца, потом мать. Да не закроется для них дорога на небеса, ибо земной путь они прошли прямо и с достоинством.

Филипп хоть и не сразу, но перекрестился. Из уважения к благородной Марьице, которая слыла ревностной христианкой. Никто не обратил на это внимания, кроме Глеба Гаста, который последовал примеру старшего товарища. Из чего Филипп заключил, что младший Гаст верит в Христа, в отличие от своего брата язычника. Сколько Лузарш помнил, Базиль не посещал храмы в Святой Земле, а на все увещания матери только отмахивался. Впрочем, дурную славу в Константинополе этот человек заслужил не столько вызывающим поведением в вопросах веры, сколько разбойничьими налетами на византийские города. В Иерусалиме Комниных не любили, а потому на все претензии базилевса отвечали пожатием плеч. Оба иерусалимских короля слишком уважали доблестного Венцелина фон Рюстова, чтобы чинить спрос с его беспутного сына. Филиппа так и подмывало спросить, избавился ли его друг от прежних привычек, но он решил отложить обсуждение столь щекотливой темы до лучших времен.

В палатах князя Никлота гостей ждали. Княжеский Детинец хоть и не без труда вместил семь сотен облаченных в доспехи гостей. Для бояр и воевод стол накрыли в той самой палате, где Никлот принимал в Филиппа в день его приезда в город. Приезжие мечники, вперемешку с дружинниками ободритского князя, пировали во дворе, благо солнечная погода как нельзя более способствовала веселому застолию. К микельборским боярам Лузарш уже присмотрелся, а пришлых ругов ему представил Базиль Гаст.

– Те, что помоложе и с бритыми подбородками, воеводы Воист и Боримир. Белобородый старец – волхв Гомол, один из ближников кудесника Богумила.

Филиппу пришло на ум, что он, пожалуй, поторопился обвинять князя Никлота и ободритских старейшин в праздности. Времени они, похоже, не теряли и сумели собрать под свое крыло изрядную силу. Лузарш уже сумел оценить опытным глазом снаряжение пришлых людей и их воинские ухватки.

– Руги – первые мореходы в здешних краях, – подсказал ему негромко Глеб Гаст. – А остров Рюге или Руян весьма надежное убежище. Хлеб они почти не сеют, скота разводят мало.

– А чем живут? – удивился Филипп.

– Торговлей и разбоем, – усмехнулся Глеб. – Или, как они говорят, – милостью Перуна. Меч руги всегда почитали выше плуга.

Лузарш подобному образу жизни ругов не удивился. В сущности, франки занимались тем же самым в Святой Земле. Хлеб не сеяли, скот не разводили, а добывали пропитание и кров

с помощью оружия, уповая при этом, правда, на Христа, а не на Перуна. И если среди воинов христовых находился человек не чуждый ремеслам, то ничего кроме презрения от власть имущих он не получал.

– У каждого племени свои обычаи, – примирительно заметил Базиль. – А тебе, Глеб, следовало бы запомнить одну из самых главных заповедей твоей веры – не судите да не судимы будете.

Младший брат недовольно фыркнул на отповедь старшего, а Филипп засмеялся. Базиль Гаст даже в молодые годы слыл образованным человеком. Священное писание он читал и по-латыни и по-гречески, неизбежно ставя в тупик отцов церкви, вздумавших тягаться с ним в богословии. А потому будучи до мозга костей язычником, он умудрялся сохранять хорошие отношения с ближниками патриарха Иерусалимского Эда Шатрского, которые выхлопотали и ему, и Франческе отпущение грехов за прелюбодеяние.

– Как она умерла? – спросил Базиль негромко.

– Темная история, – так же тихо отозвался Филипп. – В Иерусалиме заговорили о чуме, но эпидемия так и не разразилась. А ребенок выжил...

– О сыне Драган мне ничего не писал, – нахмурился Гаст.

– Скорее всего, не знал, – попробовал оправдать гордого барона Лузарш. – Сен-Валье взял ребенка к себе. Дал ему свое имя и состояние. А ведун Ратмир, как ты знаешь, человек не бедный. Я видел Аршамбо год назад. Ему уже исполнилось пятнадцать лет, и он грезил о рыцарских подвигах. Благородная Сесилия Триполийская обещала воспитаннику Бернара место оруженосца при своем сыне.

Князь Никлот заговорил о городе Любеке, чем, кажется, вызвал недоумение среди своих бояр. Филиппу и Базилю пришлось прекратить беседу и обратиться в слух. Ибо за столом, похоже, наконец-то перешли от бесконечных здравниц в честь гостей и хозяев к серьезному разговору. Причем настолько серьезному, что у боярина Томислава, человека немолодого и тучного, едва не случился удар. Он так бы и сидел с открытым ртом до конца пира, если бы заботливый воевода Боримир не похлопал его по спине. Томислав обрел второе дыхание, а вместе с ним и дар речи:

– Помилуй, князь, это же война!

– Поход алеманов состоится в любом случае, – мрачно изрек Никлот. – Или у тебя есть способ его предотвратить, боярин? Тогда просвети нас темных. Может, ты собрался договориться с папским легатом?

– Не следовало прогонять епископа Дитмара с его земель, – недовольно буркнул Томислав.

– Гевельберг – славянский город, – грохнул по столу кулаком Никлот. – Таковым и останется во веки веков.

– А Любек, выходит, город алеманский? – не удержался от ехидного замечания боярин. – Давно ли его Любечем звали – полсотни лет не прошло.

– Не серди меня, Томислав, – вежливо попросил Никлот. – Некогда мне с тобой лаяться по пустякам. Да и перед гостями неловко.

В серых глазах князя, без устали сверливших боярина, было столько гнева, что Филипп невольно посочувствовал Томиславу. Впрочем, последний, кажется, осознал, что хватил лишку и с разгневанным князем больше не спорил.

– Дитмар привел в Любек пятьсот кнехтов и более сотни рыцарей, – продолжал Никлот, успокоившись после непростого спора. – Еще полторы тысячи кнехтов стоят там гарнизоном еще со времен Генриха Гордого. Сила немалая. Бить их следует врасплох, чтобы даже опомниться не успели. Провиант, сколько сможем взять, – вывезем. Все остальное спалим. Порт следует придать огню.

– А город? – не удержался от вопроса Томислав.

– Как получится! – зло отрезал князь.

С точки зрения здравого смысла действия князя Никлота были совершенно правильными. Разгром Любека лишил крестоносцев продовольственных запасов и обрекал их если не на голод, то на большие трудности. Но и сомнения боярина Томислава тоже не следовало сбрасывать со счетов. Вторгаясь в Вагрию, которая вот уже несколько десятилетий считалась частью германского герцогства, Никлот, по сути, объявлял войну не только Генриху Льву, но и его сюзерену императору Конраду.

– Ты уверен, что крестовый поход на славян дело решенное? – спросил у Филиппа Базиль, стоя на носу своей ладьи.

– Уверен, – отозвался Лузарш. – Ни Бернар Клевросский, ни епископ Дитмар, ни тем более папа Евгений не позволят алеманским вождям отречься от клятвы, даже если те попытаются увильнуть от исполнения христианского долга. Другое дело, что император Конрад не слишком огорчится, если поход против славян захлебнется в самом начале.

– Почему? – удивился Глеб.

– Потому что Конрад принадлежит к роду Гогенштауфенов, а Генрих Лев – к роду Вельфов. Еще семь лет назад Вельфы спорили о власти с Гогеншауфенами. Папа был на их стороне. Но дядя Генриха Льва герцог Брауншвейгский потерпел жесточайшее поражение под Вейнсбергом, и Вельфам пришлось смириться с тем, что наследство императора Лотаря выскользнуло у них из рук. А ведь Генрих Гордый был женат на дочери Лотаря и был почти уверен, что корона сама упадет ему в руки. Однако князья рассудили иначе и назвали своим сюзереном Конрада Гогенштауфена.

– Теперь понятно, зачем ты приехал в Микельбор, – усмехнулся Базиль.

– Если тебе понятно, то, может, ты и мне объяснишь? – нахмурился Глеб.

– Победа Генриха Льва, внука императора Лотаря, над славянами обернется торжеством Вельфов среди алеман, а захваченная здесь добыча положит начало новой смуте в германских землях. В этом случае Конрад Гогенштауфен вынужден будет либо отложить поход в Святую Землю, либо отказаться от него. А такой поворот никак не устраивает нашего друга Филиппа де Лузарша де Руси владельца Ульбаша, одного из самых богатых и влиятельных вельмож графства Антиохийского, со всех сторон обложенного воинственными мусульманами. Я правильно излагаю суть дела, Филипп?

– Правильно, – согласился Лузарш, отворачиваясь от брызг, летящих в лицо. – Все-таки ваши ладьи гораздо менее приспособлены для комфортного плавания, чем византийские галеры, не говоря уже об их дромонах.

– Зато они быстроходнее, – заступился за свое судно Базиль. – Обрати внимание, мы оставили за спиной не только ободритов, но и рогов.

– И что это нам даст? – пожал плечами Филипп.

– Добычу, – отозвался морской разбойник. – Любек богатый город. Да и епископ Дитмар, надо полагать, не сидел сложа руки все это время, и успел наполнить его закрома алеманским добром.

Все-таки Филипп оказался прав. Годы не изменили Базиля Гаста. И в море Балтийском он оставался все тем же разбойником, наводившим ужас на средиземноморские города. А оскалу его клыков, вдруг проступившему в сгущающихся сумерках, мог бы позавидовать любой хищник. Волк вышел на охоту, и то, что он называл себя Белым, а не Серым не имело для его жертв ни малейшего значения.

Последние пятнадцать лет не были в жизни Герхарда де Лавалья самыми счастливыми. Участие в безумном мятеже, затеянном хитроумной Жозефиной де Мондидье в Триполи на деньги атабека Зенги, поставила жирный крест на его спокойной жизни в Святой Земле. Если бы Герхарда схватили, то призом за служение прекрасной даме стала бы для него пеньковая

веревка. Убийства графа Понса ему бы не простили никогда. По слухам всесильный сенешаль ордена тамплиеров Ролан де Бове назначил немалую награду за голову опального шеваляе. Что, безусловно, льстило самолюбию Герхарда, но ставило его в практически безвыходное положение. У сенешаля были свои осведомители и в землях мусульман, и в Византии. По следу Лавалья шел неутомимый Филипп де Руси, один из самых умных, наглых и цепких владетелей Святой Земли, располагавший к тому же немалыми средствами. Тягаться с ним нищему анжуйскому шеваляе, не имеющему высоких покровителей, было бы смертельно опасно. Далеко не сразу, но до Лавалья все-таки дошло, что если ему и суждено найти заботливого хозяина, то только в Европе. А еще лучше в Германии, князя которой вели бесконечные войны между собой за корону императора, с годами все более терявшую изначальный блеск. Герхард сделал ставку на Вельфов. К сожалению, эта ставка оказалась битой. Участие в битве при Вейнсберге и проявленные там чудеса храбрости не сделали шеваляе де Лавалья ни богаче, ни счастливее. Его, правда, заметили, но заметили люди, потерпевшие жесточайшее в своей жизни поражение. Страдающего от ран Герхарда приютил епископ Дитмар Гевельбергский, тоже своего рода изгой, потерявший епархию много лет тому назад, но не смирившийся с судьбой и обстоятельствами. Это был немолодой, но очень упорный человек, помешанный на христианских ценностях. К сожалению, самому Дитмару не хватало смирения, грех гордыни стал его самым главным отличием. Анжуйского шеваляе он считал еретиком, что, впрочем, никак не отражалось на его дружеском к нему расположении. Герхард заподозрил было своего нового покровителя в склонности к содомии, но вскоре убедился, что это не так. Дитмар был образцом целомудрия и воздержанности в еде, за что его высоко ценил сам Бернар Клевросский. Последнего еще при жизни стали называть святым. Ибо Бернар не только проповедовал скромность и воздержание, он еще и жил в соответствии со своими проповедями, являя собой образец христианского смирения и готовности к мученичеству. Герхард восхищался и Бернаром, и Дитмаром, но следовать их примеру не собирался. Именно Бернар Клевросский выхлопотал для епископа Дитмара должность папского легата, убедив Евгения, что лучшего представителя ему не найти. И хотя архиепископ Адальберт Бременский не разделял восхищения аббата Бернара епископом Дитмаром, он все-таки вынужден был смириться с решением римского папы, вознесшего его вечного оппонента на большую высоту. Правда, самоуверенный и самовлюбленный прелат не скрывал надежды, что преподобный Дитмар рано или поздно свернет себе шею в том самом предприятии, которое он навязал германскому духовенству и без того переживающему не лучшие времена. Речь, разумеется, шла о крестовом походе. Точнее, о двух походах – в земли сарацин и земли славян. Герхард недолго колебался с выбором цели, ибо отлично понимал, что лучшего покровителя, чем епископ Дитмар ему не найти. Шеваляе де Лаваль очень хорошо знал сарацин, о встрече с которыми так хлопотали европейские государи, и, по сравнению с атабеком Зенги, князь Никлот казался ему сущим агнцем, обреченным на заклание. Так неожиданно для себя Герхард оказался на берегу холодного моря, в земле, сулившей ему лично несметные богатства и признание сильных мира сего.

Епископ Дитмар с упоением принялся за дело, которое считал едва ли не самым главным в своей жизни. Почему этому худому долговязому человеку с редкими темными волосами вокруг выбритого темени так хотелось облагодетельствовать славян, приведя их в стадо Христово, Герхард мог только догадываться. Сам он жаждал только одного – золота. Деньги могли помочь ему выбраться из незавидного положения, в которое он угодил отчасти по легкомыслию, но большей частью благодаря проискам своих врагов. Город Любек ему понравился, прежде всего, обильным торгом и достатком жителей, по преимуществу, кстати, славян. Людей, как успел заметить Герхард, гостеприимных и добродушных. Епископ Дитмар, правда, подозревал их в ереси и даже сношениях с сатанинскими силами в лице здешних богов, но широко мыслящий шеваляе де Лаваль вовсе не считал склонность к иной вере самым крупным человеческим недостатком. Жизнь научила его искать друзей там, где остальные ищут только вра-

гов. Он довольно быстро нашел общий язык не только со славянскими, но и с иудейскими купцами, заполонившими в последнее время город. Чем, кажется, удивил епископа Герхарда, не ожидавшего, видимо, найти в отчаянном рубаке столь тонкого переговорщика. Собственно, иудеи боялись только одного, что их опять начнут бить, как это случилось во время первого крестового похода, когда обезумевшие фанатики вырезали целые еврейские общины на берегах Рейна. В благословенной Вагрии, совсем недавно приобщенной к христианской вере, о крестовом походе имели смутное представление, а потому равнодушно смотрели на пришельцев, ищущих спасения не столько душ, сколько тел. Герхард пустил в ход все свое природное обаяние и сумел договориться с купцами, как славянами, так и иудеями. Продовольствие и снаряжение покупалось по весьма сходной цене, чем прижимистый Дитмар остался, кажется, доволен. А то, что часть выделенных средств прилипла к его рукам, Лаваль, разумеется, скрыл от епископа. Славянин Беляй, тучный и улыбочивый торговец зерном, с которым Герхард сошелся особенно близко, предостерег любезного шевалье от благодушия.

– Если ободриты и руги узнают о ваших приготовлениях, то они сложа руки сидеть не будут, – вскольз заметил Беляй. – На месте епископа я бы вывез припасы с пристани.

– Вот тебе раз, – возмутился Герхард. – А галеры мы, по-твоему, зачем наняли? Припасы будут доставляться морем прямо к Микельбору, куда скоро двинутся наши войска. К тому же князь Канут обещал нам прислать боевые галеры. С помощью датчан мы очистим Балтийское море от недругов.

– Да поможет тебе Христос, благородный Герхард, – перекрестился Беляй. – Но руги могут пасть на пристань как соколы на добычу. Тогда нас даже твои кнехты не спасут. Спят они и порт и город.

Про ругов Герхард прежде не слышал, но предостережение славянского купца все-таки донес до ушей Дитмара. Епископ Гевельбергский, в отличие от заезжего анжуйца, знал о морских разбойниках с острова Рюге практически все. От него Герхард узнал, что руги не просто разбойники, а исчадья ада, демоны в человеческом обличье, ведущие вечную охоту за христианскими душами.

– Может, они действительно демоны, – неожиданно согласился с епископом Беляй. – Во всяком случае, оборотней среди них с избытком. Иные по небу соколами летают, другие по земле волками рыщут. Говорят, что сам бог Перун выводит порой их на охоту, и тогда от их воя и клекота у обычных людей кровь стынет в жилах.

Просвещенный анжуец над страхами купца и епископа просто посмеялся. И смеялся он до тех пор, пока эти самые оборотни не хлынули серым потоком на пристань города Любека. Произошло это на исходе дня, когда мирные обыватели потянулись с торга домой, дабы скоротать летнюю ночь под родным кровом. Шевалье де Лаваль задержался у хранилища зерна, принимая от купца Беляя последнюю партию. Городские ворота еще не успели закрыть, и это прискорбное для Любека обстоятельство оказалось спасительным для Герхарда. Счастье еще, что Герхард отправился на пристань верхом. Конский мах оказался шире человеческого шага, и он попал в город раньше, чем туда ворвались закованные в сталь воины. Кнехты, стоящие на воротах, были убиты раньше, чем успели повернуть колесо. Мост, переброшенный через ров, даже не дрогнул. Дубовые створки так и остались распахнутыми настезь. Лаваль увидел среди окольчуженных спин волчьей шкуры и невольно содрогнулся от подступившего страха. Он все-таки успел укрыться в цитадели, где остановился на постой предусмотрительный Дитмар. Впрочем, епископ Гевельбергский оказался не только предусмотрительным, но и очень упрямым человеком. Потеряв в одночасье город, он пытался сохранить цитадель, куда было свезено оружие и доспехи, закупленные для похода, и хранились немалые деньги, которые епископ не успел потратить. На стены своего убежища Дитмар поднялся вооруженный не только крестом, но и мечом. Судя по всему, епископ собирался личным примером вдохновить перепуганных внезапным вторжением рыцарей и кнехтов. В Любеке, насколько мог видеть Гер-

хард, шла резня. Руги, видимо, хорошо знали город, поскольку первым делом бросились к казармам, где предавались отдыху сотни пехотинцев. Десятка два рыцарей, успевших сесть на коней, попытались остановить железную лавину, но были размазаны по деревянной мостовой в мгновение ока.

– Вот уж действительно – демоны, – криво усмехнулся Лаваль, кося глазами на мрачного Дитмара.

К удивлению Герхарда, руги легко преодолели неглубокий ров, окружающий цитадель, и без раздумий пошли на приступ ее стен, не имея даже штурмовых лестниц. Зато в руках у них были топоры, которые со свистом вонзились в потемневшие бревна. И по этим топорам, как по ступеням ринулись наверх люди с волчьими шкурами на плечах. В наступивших вечерних сумерках они вполне могли сойти за хищников, устремившихся за добычей. Во всяком случае, перепуганные кнехты густой толпой ринулись вниз с галерей по скрипучим деревянным лестницам. Ни призывы Дитмара, ни ругань Герхарда не смогли их остановить. Лавалю ничего другого не оставалось, как подтолкнуть мешкающего епископа и обнажить меч, дабы встретить опасность лицом к лицу. С большим трудом ему удалось перехватить железный клюв ружского сокола и отвести тем самым удар, не суливший ему ничего кроме смерти. Повторного выпада Лаваль ждать не стал, а просто прыгнул с галереи вниз на головы отступающих кнехтов. К счастью, ему удалось подняться с земли раньше, чем торжествующие руги спустились во двор цитадели. Герхард ринулся к каменным палатам, когда-то служившим домом местному славянскому князю, а ныне ставшим временным прибежищем для епископа Дитмара и его рыцарей. Лавалю пришлось немало потрудиться, дабы пробиться сквозь плотную толпу обезумевших кнехтов. Самое обидное, что защитники цитадели числом превосходили нападающих, но Герхард очень скоро убедился, что алеманские пехотинцы не соперники грозным ругам, снаряженным никак не хуже благородных рыцарей. Несчастные кнехты, на многих из которых кроме кожаных гамбезонов ничего не было, просто не могли противостоять затянутым в кольчуги людям. Алеманы падали под ударами длинных мячей словно куклы, в которых Господь по рассеянности забыл вдохнуть отвагу, а возможно и жизнь. Несколько раз Герхард чудом избежал смерти, причем метили в него не только чужие, но и свои, которым он по нечаянности переступил дорогу. Безумное побоище, кровавой воронкой крутившееся по двору, грозило захватить Герхарда с весьма печальными последствиями для его тела и души. У самого крыльца шевалье де Лаваль вдруг столкнулся с человеком, показавшимся ему знакомым. Секундное замешательство едва не стоило Герхарду жизни, зато он успел опознать своего врага, только что отправившего в мир иной двух несчастных алеманов и потянувшегося окровавленным мечом к шее благородного шевалье.

– Филипп! – воскликнул Лаваль. – Филипп де Руси будь ты проклят!

Как ни странно, но этот полный ярости вопль спас Герхарда от верной смерти. Капитан антиохийской гвардии замешкался с ударом, и Лаваль успел прыгнуть в приоткрывшуюся дверь. За спиной слышался стук запора и глухие ругательства обманутого врага.

– Уходим, благородные рыцари, – услышал Герхард голос епископа Дитмара. – Да обрушит небо свой гнев на головы подлых язычников.

Тяжелые, окованные железными полосами двери затряслись от ударов. Со второго яруса княжеских палат бежали доблестные рыцари, скользя и падая на окровавленных ступенях лестницы, а следом за ними гнались преследователи с секирами в руках. Руги, используя окна, уже ворвались в каменное здание, где Герхард рассчитывал найти хотя бы временный приют. Не раздумывая, он рванулся вслед за епископом, чья сутулая спина маячила впереди. Ругов задержали рыцари, решившие, видимо, дорого продать свои жизни, и их предсмертное упрямство оказалось спасительным для двух десятков человек, поверивших в чутье Дитмара Гевельбергского и не обманувшихся в своих ожиданиях. Шевалье де Лаваль был одним из немногих, кто

выскользнул по подземному ходу не только из захваченной ругами цитадели, но и из города, полыхающего за его спиной.

Глава 2 Осада Добина.

Руги и ободриты князя Никлота не ограничились разорением Любека. Огнем и мечом они прошли по Вагрии, уничтожая поселения алеманов и фризов, организованных предусмотрительными германскими феодалами, пытавшимися обрести опору в негостеприимном краю. Теперь эта политика выходила боком для людей, поддавшихся их льстивым речам. Герхард, тайком пробиравшийся по чужой земле, видел сожженные поселения и трупы людей, разбросанные там и сям на полях, засеянных рачительными хозяевами. Крестовый поход еще не начался, но его первые жертвы уже стали добычей черных птиц, слетевшихся к местам ужаса и скорби. С большим трудом спутникам епископа Гевельбергского удалось разжиться лошадьми и скрыться от погони, возможно только воображаемой, но от того не менее страшной. Во всяком случае, Лавалю очень не хотелось бы вновь повстречаться с неистовыми ругами, ставшими пусть и на время хозяевами этих земель. Епископ Дитмар уповал на Христа, а благородный Герхард только на краденого коня. Похоже, языческим богам удалось руками своих приверженцев отгеснить приверженцев Христа от берега Балтийского моря, но их слово вряд ли будет последним.

– Дайте срок, – пригрозил своим невидимым врагам Дитмар, потрясая кулаком. – Мы еще вернемся.

Угрозы епископа Гевельбергского не были пустыми, это шевалье де Лаваль понял, как только горстка чудом уцелевших беглецов добралась до Магдебурга, переполненного вооруженными людьми. В этом городе маркграф Альбрехт Медведь, один из самых яростных сторонников похода, готовил армию для вторжения в земли лютичей. Под рукой правителя Северной марки собралось более тридцати тысяч конных рыцарей и пехотинцев не только из германских княжеств, но из Франции и даже Польши. При виде неодолимой силы епископ Дитмар воспрянул духом, в нем вновь проснулся дар проповедника. В Магдебурге уже знали о конфузе, приключившемся с папским легатом в Любеке, но бросать в оплошавшего епископа камни вожди крестового похода не торопились. Конечно, потеря продовольствия могла сказаться в дальнейшем, но пока крестоносцы находились под впечатлением победы, одержанной Генрихом Львом и Конрадом Бургундским под Микельбором. Доблестным воинам христовым удалось не только овладеть столицей ободритского княжества, но и загнать князя Никлота в болота, где он и окопался в старенькой крепости Добин. Известие о падении Добина в Магдебурге ожидали со дня на день, ибо на помощь германским князьям уже спешили датчане во главе со Свеном и Канутом. По словам аббата Вильбада, старого знакомого епископа Дитмара, штурм Добина начнется сразу же, как только ютландцы и шоненцы достигнут Зверинского озера, расположенного в нескольких милях от Висмарского залива. Альбрехт Медведь торопил своих товарищей по оружию Германа Рейнского и Конрада Мейсенского, но последние медлили, дожидаясь прибытия Фридриха Саксонского. Пфальцграф почему-то задерживался, что выводило из себя вспыльчивого Альбрехта Медведя.

– Маркграфу не терпится прибрать славянские земли за Пенной и Одрой, – пояснил Герхарду благородный Вальтер фон Валенсберг, с которым анжуйский шевалье сошелся за время трудной ретирады из разоренного Любека.

– Я бы на его месте тоже торопился, – пожал плечами Герхард. – Чего доброго вся слава победителя достанется юному Генриху Льву.

– При чем тут слава, – поморщился Вальтер и настороженно огляделся по сторонам. – Просто жители Щетина крещены еще во времена короля Оттона много лет тому назад, и Альбрехт очень боится, что об этом станет известно не только вождям, но и простым крестоносцам, которым папой обещано отпущение грехов за истребление язычников, но отнюдь не христиан.

– А почему в таком случае молчит Дитмар? – нахмурился Герхард. – Он ведь легат папы?

– Епископу обещан славянский город Гевельберг, о котором он грезит не первый десяток лет, – усмехнулся Вальтер. – К тому же конфуз, приключившейся в Любеке, поневоле делает Дитмара скромным и молчаливым.

– А что же аббат Вильбад? – полюбопытствовал Лаваль. – Ему тоже нечего возразить маркграфу?

– У Вильбада замыслы еще обширнее, чем Альбрехта Медведя. Этот безумец мечтает о завоевании острова Рюге, ни больше, ни меньше.

Валенсбург был человеком молодым и легкомысленным, что, впрочем, не помешало ему стать участником грандиозного похода, организованного Бернардом Клевросским. Поначалу он собирался в Иерусалим, но дальнейшее родство с епископом Дитмаром изменило его планы. Благочестие в этом темноволосом скуластом молодце, удивительно похожем на турка, смешивалось с простодушием. Впрочем, этим он, наверное, и поглянулся Герхарду де Лавалю. А еще почтением, которое Вальтер неизменно выказывал своему старшему и опытному товарищу.

– Не такая уж глупая мысль, – пожал плечами шевалье.

Валенсбург посмотрел на Герхарда с удивлением, потом впал в глубокую задумчивость, причину которой он объяснил анжуйцу позднее, когда они обосновались за грязным столом питейного заведения, едва ли не самого популярного в Магдебурге. Народу здесь было столько, что для благородных рыцарей с трудом отыскивали место, достойное их высокого звания. Но для этого дядюшке Фрицу пришлось выкинуть из кабака двух сильно подгулявших кнехтов. Сделано это было с великим шумом и гамом, вызвавшим у Герхарда определенный интерес, а потому он не сразу услышал своего товарища.

– Рюге – священный остров. Там расположены главные святилища славян и множество бесценных сокровищ. Я никогда на острове не был, но сведущие люди говорят, что только каменных крепостей там пять или шесть, включая хорошо укрепленную Аркону. На Рюге проживает, по меньшей мере, двадцать тысяч человек, причем каждый четвертый из них воин. Впрочем, ты, Герхард, уже имел случай с ними познакомиться.

– А сокровища? – напомнил заинтересованный шевалье.

– Руги на протяжении нескольких столетий грабили земли не только ближние, но и дальние. Третью добычи они отдавали своим богам. Теперь ты представляешь, сколько золота там скопилось.

– А при чем здесь аббат Вильбад?

– Вильбад полагает, что Световид, а именно так руги называют своего главного бога, это святой Вит, покровитель корвейского монастыря, которым он управляет. На столь шатком основании наш друг аббат жаждет унаследовать все сокровища языческого бога. Якобы святому Виту сам Христос даровал остров Рюге, следовательно, все золото, хранящееся там, должно отойти его монастырю.

– И много у аббата сторонников? – полюбопытствовал Лаваль.

– Разве что десяток идиотов из простых пилигримов, – засмеялся Вальтер. – Но Альбрехт Медведь, как ты понимаешь, не из их числа. Маркграф скорее удавится, чем пожертвует корвейскому аббатству хотя бы один арконский золотой. Я уже не говорю о том, сколько крови придется пролить, чтобы добраться до сокровищ Световида.

– Иными словами на остров Рюге маркграф не поплывет?

– Ему вполне хватит Щетина и Дымина, которые он собирается захватить, – охотно подтвердил Вальтер. – К слову, лютичи народ торговый и далеко не бедный. Там есть что взять, смею тебя уверить.

– В таком случае, нам с тобой остается только одно – не прозевать, когда начнется дележ добычи, ибо мне, признаться, надоело влачить свою жизнь в нищете.

– Мне тоже, – кивнул Вальтер. – Можешь на меня положиться, благородный Герхард, и при дележе добычи и в бою.

Филипп насчитал не менее двух сотен галер, в одночасье прихлынувших к чужому берегу. И каждая из них несла на борту, по словам Глеба Гаста, не менее пятидесяти человек. Датчане сдержали слово, данное вождям крестового похода, и вошли в Висмарский залив в середине июля. И хотя снаряжением шоненцы и ютландцы уступали алеманским рыцарям, зато превосходили простых кнехтов. А их многочисленность делала предприятие, затеянное воеводами Воистом и Боримиром, смертельно опасным. По прикидкам Филиппа, датчан насчитывалось не менее десяти тысяч человек. Руги уступали им числом более чем в десять раз. Сражаться с датчанами в море было бы безумием, что отлично понимали воеводы, но и уступать им господство на водных путях тоже нельзя. Это Лузарш знал не хуже ругов. Двадцатитысячное войско крестоносцев, сгрудившиеся возле Добина, отчаянно нуждалось в продовольствии, которое негде было взять в разоренной ободритской земле. Зато датский флот мог бы позаботиться о его доставке, что значительно облегчило бы положение воинов Христа и сделало бы бессмысленным сидение князя Никлота на Зверинских болотах. В крайнем случае, крестоносцы могли дожидаться зимы, чтобы, воспользовавшись морозами, выкурить ободритов из их временных нор.

– Справятся, – успокоил Филиппа Базиль, кося настороженным глазом на датские суда, густо стоящие в заливе. – Более половины шоненцев и ютландцев уйдут к Добину, и тогда руги скажут свое веское слово.

– А зачем им уходить? – удивился Филипп. – У Генриха Льва и Конрада Бургундского хватает сил и без них.

Базиль засмеялся, скорее, впрочем, зло, чем весело:

– В Добине находится все богатство ободритов. Неужели ты думаешь, что Канут и Свен оставят германцев наедине с сокровищами, а сами будут подвозить им еду. Надо быть воистину наивным человеком, чтобы поверить Генриху Льву, а особенно этой лисе, архиепископу Адальберту Бременскому, который сейчас обхаживает датчан.

Базиль высадил сотню мечников на берег и чего-то явно ждал, пристально вглядываясь в воды залива. Своими замыслами он с Филиппом не делился, а тот не собирался их выпытывать, отлично понимая, как высока сейчас для славян цена любой ошибки. Под рукой у князя Никлота было всего пять тысяч воинов. Больше Добин просто не мог вместить и прокормить. Еще несколько тысяч вооруженных ободритов прятались в окрестных лесах и болотах, но их еще нужно было собрать. Причем большинство из этих людей не являлись воинами. Их снаряжение и оружие оставляло желать много лучшего и на открытом месте ободриты наверняка бы потерпели поражение от хорошо обученного войска, где только конных рыцарей насчитывалось более семи тысяч. Никлоту ничего не оставалось делать, как ждать помощи либо от лютичей, либо от славянских богов.

– Лютичи не придут, – процедил сквозь зубы Базиль. – Альбрехт Медведь уже вывел из Магдебурга армию крестоносцев численностью почти в сорок тысяч рыцарей и кнехтов. Придется нам выкручиваться самим.

Филипп с интересом покосился на Гаста. Базиль, похоже, не отделял себя от ободритов и не собирался покидать их в трудный час. Позиция, что и говорить, благородная, но, по мнению Лузарша, неумная. В конце концов, что могли сделать сто человек, пусть и хорошо обученных, против тысяч крестоносцев, прихлынувших в славянские земли. Алеманы, надо отдать им должное, действовали с размахом. Их объединенные силы достигали чудовищной цифры в семьдесят тысяч человек. Даже на многолюдном Востоке мало кому удавалось собрать такую огромную армию. Во всяком случае, за Иерусалимское королевства и тяготеющие к нему христианские графства Филипп мог ручаться. Двадцать тысяч, ну тридцать, в самом крайнем случае – пятьдесят, но это при мобилизации всех ресурсов и с привлечением местного населения, умеющего носить оружие и ненавидящего мусульман.

Трудно сказать, о чем договорились архиепископ Бременский и датские князья, однако в огромном лагере, раскинувшемся на берегу залива, началось движение. Похоже, Базиль угадал. Значительная часть шоненцев и ютландцев, скорее даже больше половины, снялась с места и двинулась во главе со своими вождями к Зверинскому озеру. Филипп полагал, что Свен и Канут ведут своих людей на соединение с алеманами, но ошибся. Крепость Добин располагалась на берегу озера, в окружении болот, и подобраться к ней можно было с двух сторон – северной и южной. С южной стороны уже расположились крестоносцы Генриха Льва и Конрада Бургундского, а сторона северная досталась Свену и Кануту. Соединиться датчане и алеманы не могли – с запада им мешало озеро, с востока – непроходимые болота. Судя по всему, крестоносцы не собирались задерживать перед стенами Добина и предпочли штурм долгой осаде. Об этом Базиль заявил князю Никлоту, как только вместе со своими людьми, опережая датчан, добрался до крепости. Разговор между боярином и ободритским вождем происходил на северной стене, откуда открывался великолепный вид на обширную поляну, лишь кое-где поросшую мелколесьем. Отсюда до Висмарского залива было не более восьми верст, которые датчане могли преодолеть за достаточно короткий срок. На что указал Никлоту Базиль Гаст.

– И что ты предлагаешь, боярин? – нахмурился князь.

– Предлагаю не я, а воеводы Воист и Боримир, – пожал плечами Базиль. – Ровно в полночь руги атакуют суда датчан в заливе, а в это время мы должны напасть на лагерь Свена и Канута, дабы помешать им прийти на помощь своим.

– У меня за спиной всего пять тысяч воинов, датчан под стенами не менее семи тысяч, а они умеют драться, смею тебя уверить, боярин, – зло проговорил Никлот.

– Другого выхода у нас нет, – вздохнул Базиль. – У датчан ладей больше чем у рогов раз в десять. Архиепископ Бременский с их помощью легко сможет наладить снабжение крестоносцев, и тогда алеманы будут сидеть здесь до зимы. Впрочем, я не исключаю, что они уже завтра пойдут на штурм Добина сразу с двух сторон. Ты уверен, князь, что сумеешь отразить их натиск?

Никлот промолчал. Молчали и окружившие его воеводы и старейшины. В сущности все понимали, насколько велик риск, но понимали и другое – это единственно возможный выход из создавшегося положения.

– Готовь людей, – глухо произнес Никлот, оборачиваясь к воеводе Родияру. – Ворота крепости откроешь в полночь.

Филипп мог бы не участвовать в ночной вылазке на датский стан. Никто бы не осудил постороннего человека, уклонившегося от кровавой битвы, но шевалье де Руси были свои виды на Базиля Гаста, и он не хотел ронять себя в глазах его людей. Что касается самого Базиля, то боярин, похоже, не ведал никаких сомнений, и расположился вместе со своими мечниками на самом острие ободритского копья, занесенного над спящим датским станом. Ворота Добина были узки и могли пропустить зараз только четырех человек. Филипп встал рядом с Базилем, имея по левую руку от себя Глеба Гаста. Впереди них расположились четверо ободритов во главе с воеводой Родияром, а за спиной толпились тысячи суровых людей, изготовившихся возможно к последнему в своей жизни броску. До вражеского лагеря, по прикидкам Филиппа, насчитывалось никак не менее трехсот шагов, и преодолеть это немалое расстояние следовало до того, как встревоженные датчане построятся для отпора.

Команды не последовало. Просто распахнулись ворота крепости, и воевода Родияр первым сделал роковой шаг в неизведанное. Ободриты бежали молча, стараясь производить как можно шума и на ходу перестраиваясь в фалангу, способную охватить вражеский стан. Земля загудела от тысяч ног, и этот гул не мог не разбудить датчан, не ждавших, похоже, от своих врагов такой прыти. Тревожные крики в их лагере почти заглушили топот наступающих славян.

– Зарево! – крикнул Базиль, указывая в сторону моря. – Руги жгут датские драккары!

Этот крик подхлестнул наступающих, которые обрушились на чужой стан, словно приливная волна во время шторма. Навстречу им ринулись заспанные шоненцы и ютландцы, не потерявшие присутствие духа, несмотря на внезапность нападения ободритов. Какие сигналы подавали их гнусавые рожки, Филипп понять, естественно, не мог, но датчане вняли призыву вождей и стали стремительно покидать лагерь. Похоже, они отступали к лесу, дабы под прикрытием деревьев построиться в фалангу. Однако воеводы ободритов разгадали их план, и, судя по свету факелов, пытались обходным маневром, оттеснить своих врагов к болотам. Впрочем, Лузаршу сейчас было не до затей полководцев, он оказался в самой гуще сражения и безостановочно работал мечом, повергая на землю своих врагов одного за другим. Филипп всегда слыл искусным бойцом, но ему пришлось приложить все свое умение, дабы уцелеть в рукотворном аду. К счастью он был не один. Слева его прикрывал Глеб Гаст, справа – воевода Родияр, орудовавший тяжелой секирой. У благородного Глеба не было щита, он бился двумя мечами – искусство неведомое на Востоке и не слишком распространенное на Севере. Во всяком случае, последователей у Гасти оказалось немного. На глазах потрясенного Филиппа Глеб сокрушил рослого датчанина страшным рубящим ударом в голову и тут же поразил другого в грудь, выбросив левую руку вперед. Филипп перенес вес тела на правую ногу, принял на щит чужую секиру и нанес разящий удар в бок своему противнику с выносом меча из-за спины. На датчанине был панцирь, но удар шевалье пришелся точно между стальных пластин и поверг противника на землю. Глеб, Филипп и Родияр прорубались к роскошному шатру, принадлежащему, надо полагать, одному из датских князей. Во всяком случае, ободритский воевода именно Канута вызывал на бой низким воющим голосом. Трудно сказать, услышал ли конунг этот призыв, но навстречу Родияру ринулась целая толпа разъяренных датчан, готовых разорвать на куски обнаглевшего врага. Судя по двойным кольчугам и отделанным серебром шлемам, это были телохранители датского вожды. Был ли среди них сам Канут, Филипп так и не разобрал. Зато сумел спасти Родияра от верной смерти, рубанув мечом по уже занесенной над его головой руке с булавой. Воевода только сверкнул глазами в сторону шевалье, но, надо полагать, оценил по достоинству чужую расторопность. Какое-то время, показавшееся Лузаршу вечностью, они с трудом отбивались от десятка разъяренных датчан, далеко не последних рубак в этом мире. Филипп юлой закрутился на месте, орудуя не только мечом, но и щитом. Щит он, впрочем, скоро потерял. Обтянутое кожей и скрепленное стальными полосами дерево не выдержало удара датской секиры и разлетелось в щепы. Лузарш выхватил из-за голенища сапога длинный нож, подаренный когда-то Венцелином фон Рюстовым, и поверг своего обидчика на землю колющим ударом в шею. Кажется, кто-то из двоих, либо Глеб Гаст, либо Родияр сумели достать князя Канута. Во всяком случае, среди датчан возникло замешательство. Трое уносили поверженное тело, а остальные пытались прикрыть их отход. Родияр ревел как бык, пытаясь прорваться к раненному конунгу, но врагов вокруг становилось все больше, и свою добычу он, кажется, упустил.

– Канут, я еще доберусь до тебя! – прорвался сквозь шум боя его крик, но ответа с той стороны не последовало. Разбитое датское войско стремительно откатывалось к морю, где горели в заливе их многочисленные суда. Если судить по языкам пламени, старательно лизавшим почерневшее небо, то ругам удался внезапный налет. Захваченный преследованием Филипп не услышал призывного звука рога, и Глебу Гасти пришлось его придержать.

– Отходим, – прокричал он в самое ухо Лузаршу. – Похоже, алеманы пошли на штурм.

Собственно ничем другим германские крестоносцы не могли помочь своим гибнущим союзникам. От поля развернувшейся битвы их отделяло Зверинское озеро, которое можно было пересечь только вплавь. А идти в обход крепости по болотам да еще в ночную пору алеманы не решились. Именно поэтому Генрих Лев и Конрад Бургундский бросили своих рыцарей и кнехтов на стены. Их отчаянная попытка могла бы завершиться успехом, учитывая то обстоятельство, что большинство ободритов сражались с датчанами, но, к несчастью, для вра-

гов, князь Никлот предусмотрел и такой оборот дела, оставив в крепости почти тысячу отборных бойцов. Ободриты сумели отбить первую атаку, а быстрое возвращение в город их товарищей и вовсе сделало бессмысленным этот ночной штурм. Однако вожди крестоносцев, видимо, не сразу поняли, что количество обороняющихся увеличилось в несколько раз, и продолжали гнать несчастных кнехтов на южную стену. Увы, их атака захлебнулась раньше, чем искусные мастера успели установить таран напротив добинских ворот. Неудача крестоносцев могла бы остаться локальной, если бы ободриты не сделали вторую вылазку за сегодняшнюю ночь. Правда, они не стали штурмовать хорошо укрепленный лагерь алеманов, зато сожгли практически все осадные машины, выдвинутые к крепости, и перебили несчастных кнехтов, не успевших отойти от Добины. Генрих Лев бросил на помощь пехотинцам рыцарскую конницу, но ободриты не приняли боя и в полном порядке отступили в крепость. Филипп участвовал в обороне стен, но ко второй вылазке, возглавляемой самим Никлотом, он не успел. Впрочем, она была непродолжительной, ободриты вернулись в Добин раньше, чем наступил рассвет.

– Силен ты, шевалье, – сказал воевода Родияр, спускаясь с галереи. – Никогда не видел столь искусного бойца. А повидал я их немало, можешь мне поверить.

– Учителя у него были хорошие, – усмехнулся Базиль, не получивший в отгремевшей битве ни единой царапины и явно довольный исходом дела. – Их слава гремела по всей Святой Земле.

У архиепископа Адальберта Бременского выдался трудный день. Упрямые датские конунги не хотели внимать доводам разума и рвались в ближайшую же ночь захватить крепость. С большим трудом архиепископу удалось убедить их в том, что Добин никуда от них не денется. И что спрятанное ободритское золото будет честно поделено между всеми участниками похода. Адальберт предлагал датчанам треть добычи, Канут и Свен, удивительно единодушные в эту минуту, требовали половину. И тупо игнорировали все доводы красноречивого архиепископа. Их не смущало даже то, что германских крестоносцев было более чем вдвое больше, чем датских.

– Зато у нас есть суда, – привел железный довод конунг Свен, ражий детина с красными, словно с перепоя, глазами. – Без нашей помощи вы просто сдохнете от голода в этих вонючих болотах.

Архиепископ Адальберт в который уже раз за последние недели помянул про себя нехорошим словом папского легата Дитмара, умудрившегося потерять не только огромные запасы продовольствия, но и набитый воинами город. Несчастных кнехтов руги истребили почти начисто да еще и разорили под корень германские поселения в Вагрии, заботливо опекаемые христианами пастырями в этом диком языческом краю. Галеры, собранные в прибрежных германских городах, руги и ободриты либо сожгли, либо увели с собой, погрузив на них не только собранные для крестового похода припасы, но и казну, далеко не пустую. И вот теперь перед Адальбертом стояла задача вернуть хотя бы часть потерянных святой церковью средств. С большим трудом ему удалось договориться с Генрихом Львом и Конрадом Бургундским, но жадные до денег датчане оказались ему не по зубам. Архиепископу пришлось буквально вывернуться наизнанку, чтобы убедить князей, согласиться хотя бы на две пятых предполагаемой добычи. Штурм решено было отложить на десять дней, дабы успеть подвезти припасы и построить осадные орудия, без которых подъем на стены Добины обернулся бы слишком большими потерями. Свен и Канут согласились выделить Адальберту по двадцать судов с экипажами для подвоза припасов. За что архиепископ был им особенно благодарен. В лагере германцев уже ощущалась нехватка еды, и вожди крестоносцев опасались бунта в случае наступления голода. Архиепископ Бременский рассчитывал снять проблему уже в ближайшие дни и не без основания полагал, что сорок датских драккаров – сила вполне достаточная, чтобы отбить охоту у наглых ругов соваться в чужие дела. Вряд ли язычники рискнут напасть на искусных морехо-

дов более чем вдвое превосходящих их числом. В конце концов, датчане умеют драться как на суше, так и на море.

Если бы Адальберт знал, какой будет ночь, последовавшая за трудно прожитым днем, он выбрал бы место для отдыха подальше от Висмарского залива, а скорее всего, никогда не отправился бы в этот жуткий поход. По своему душевному складу архиепископ Бременский был приобретателем, но отнюдь не воином, а потому звериный рык рогов, идущих на спящий датский лагерь, поверг его в шок. Адальберт, проснувшийся среди панических криков и полыхов огня, не нашел в себе сил для отпора силам зла и бежал из лагеря датчан в одной ночной рубашке на неоседланном коне, в сопровождении всего двух служек, бросив на растерзание демонам не только свое добро, но и многочисленную свиту. Ему казалось, что за его спиной полыхает море, хотя на самом деле горели всего лишь датские суда. Позднее архиепископ утверждал, что бросился к князьям Свену и Кануту за помощью, но, увы, сведущие люди только криво улыбались в ответ. Ни у кого не было сомнений в том, что Адальберт Бременский просто струсил и не сумел организовать отпор зарвавшимся ругам, которые по численности втрое уступали датчанам, выделенным архиепископу конунгами для предстоящего морского похода. Если бы он, собрав людей, бросил бы их на помощь сторожам, охранявшим драккары, то ущерб причиненный ругами не был бы столь велик. Можно подумать, что Адальберт это какой-то волосатый варвар вроде Канута, способный могучей дланью опрокинуть врага. Как он мог помочь сторожам, если шоненцы не хотели спасать ютландцев, а тем в свою очередь было глубоко плевать на шоненцев. В результате этой разобщенности датчане лишились двух третей своих судов. Впрочем, оставшихся вполне хватило для ретирады сильно поредевшего войска, в пух и прах разбитого ободритами под стенами Добина. Или в этом тоже виноват архиепископ Адальберт?

– Твоя доблесть, архиепископ, сильно уступает твоему красноречию, – зло выкрикнул Генрих Лев, покидая шатер Адальберта, с трудом приходящего в себя после ночного кошмара.

Это называется, уязвил! Можно подумать, что этот щенок, не достигший еще двадцатилетия, одержал блистательную победу над князем Никлотом. Так ведь нет, ободриты сожгли все его осадные машины и перебили почти четыре тысячи рыцарей и кнехтов. Это же разгром! Полный разгром! Еще одна такая вылазка и архиепископу незачем будет хлопотать о продовольствии, поскольку храбрым вождям просто некого окажется кормить.

– Надеюсь, что больше вылазок не будет, – спокойно заметил Конрад Бургундский, уныло ковыряя кончиком меча земляной пол в чужом шатре. Благородный Конрад был старше юного Генриха на пятнадцать лет, а потому научился владеть собой даже в весьма прискорбных обстоятельствах.

– Почему? – спросил оторопело разгоряченный Адальберт.

– Потому что у нас нет продовольствия и нет судов, чтобы доставить его в лагерь из отдаленных мест. Уцелевшие датчане покидают нас, увозя с собой раненного Канута.

– Канут ранен? – удивился архиепископ.

– Это не самая главная их потеря, – криво усмехнулся герцог Бургундский. – Дай Бог, чтобы им хватило людей для похорон убитых. Под стенами Добина пало пять тысяч датчан, еще тысячу истребили руги. Это не считая раненных. Датчанам не скоро удастся оправиться от столь чудовищного урона, поэтому я не стал удерживать благородного Свена. К слову, ругавшего тебя последними словами.

– И этот туда же, – воздел холеные руки к небу Адальберт. – Тогда скажи мне, благородный Конрад, в чем же моя вина. Неужели только в том, что я спасся от мечей озверевших рогов? Или может быть в том, что я нашел путь к озеру среди груд окровавленных тел? Или в том, что мне под руку попала утлая рыбацкая лодчонка, на которой мои люди сумели переправить меня, разбитого горем, в ваш лагерь?

– Ты виноват не больше, чем все мы, архиепископ Бременский, – вяло махнул рукой в сторону обиженного прелата Конрад. – Благородный Генрих просто погорячился. Он слишком молод, чтобы с достоинством переносить бремя неудачи. В конце концов, мы сделали все что могли, принеся свет истиной веры в забытые Богом места. И если ободриты не захотели принять учение Христа, то тем хуже для них, а не для нас.

– Вот именно! – возликовал душой Адальберт. – Рано или поздно, несчастные ободриты поймут, сколь глубоки их заблуждения, и припадут к стопам того, кого мы недаром называем Спасителем. Я верю в промысел Господа относительно здешнего люда, благородный Конрад, и очень надеюсь, что вслед за мной в этом уверишься ты.

– Во мне ты можешь не сомневаться, архиепископ, – кивнул герцог. – Да и Генрих очень скоро поймет нашу правоту. Пока у нас достаточно сил, чтобы с достоинством уйти из ободритской земли. Но через месяц, а может и того ранее ситуация может измениться. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю, благородный Конрад. Более того, полностью согласен с тобой.

– В таком случае, тебе, преподобный Адальберт, придется взвалить тяжкое бремя переговоров с князем Никлотом на свои плечи. Я целиком полагаюсь на твой ум и красноречие.

– Сделаю все, что в моих силах, – скромно потупился архиепископ. – В конце концов, почему сохранение жизни христиан занятие менее достойное, чем истребление язычников?

– Я рад, что мы поняли друг друга, Адальберт.

Глава 3 Пляска святого Вита.

Известие о поражении датчан и германцев под Добином дошло до Альбрехта Медведя и его соратников, когда крестоносцы вошли в Гевельберг. Славянский город не оказал сопротивления наступающей армии – уж слишком неравными были силы. Его жители просто покинули свои дома и растворились в окрестных лесах. Сжечь родной город им не достало сил, что бесспорно оказалось на руку крестоносцам. Епископ Дитмар торжествовал, Герхард, на которого занятый город не произвел большого впечатления, пожимал плечами, а юный Вальтер фон Валенсберг ухмылялся. Город и в свои лучшие времена вряд ли насчитывал больше семи тысячи жителей, а сейчас и вовсе было непонятно, перед кем епископ Дитмар собирается рассыпать перлы своего красноречия. Впрочем, хорошо уже то, что крестоносцы могли передохнуть в человеческих условиях и зализать болячки и царапины, полученные во время долгого перехода. Гевельберг располагался на самом краю славянских земель, и алеманам предстоял еще долгий путь по непроходимым дебрям.

На совет, собранный маркграфом Альбрехтом в лучшем здешнем здании, украшенном к тому же причудливой деревянной резьбой, Герхард попал в свите епископа Дитмара. Вожди похода не могли, конечно, обойти папского легата в столь важном деле, как обсуждение призыва о помощи, исходящего от юного герцога.

– Неужели его дела так плохи? – с сомнением покачал головой Герман Рейнский. – Их армия никак не меньше нашей. По-моему, этого вполне достаточно, чтобы потрепать ободритов.

– Генрих Лев испытывает трудности с продовольствием, – вздохнул маркграф Альбрехт.

– И чем же мы можем ему помочь? – пожал плечами Фридрих Саксонский, скептически настроенный как к походу вообще, так к потомку императора Лотаря в частности. Фридрих был ставленником Конрада Гогенштауфена и судьба попавшего впросак юнца из рода Вельфов его нисколько не волновала.

Армия Альбрехта Медведя пока не голодала, но излишками продовольствия похвастаться не могла. К тому же у крестоносцев не имелось в наличии ни судов, ни подвод, дабы перебросить провизию в земли ободритов. Что же касается помощи людьми, то поворачивать войско, проделавшего изрядную часть пути, было бы безумием. С этими словами маркграф Альбрехта согласились все вожди похода, включая папского легата Дитмара и архиепископа Магдебургского.

– Нашей помощью Генриху Льву и Конраду Бургундскому будет победа над мороченами, лютичами и поморцами, – выразил общее мнение Герман Рейнский. – Узнав о поражении Ратибора, князь Никлот сразу станет сговорчивее.

Герхард был согласен с решением, вынесенным советом вождей, и не замедлил поделиться своими наблюдениями и выводами с Валенсбергом. Однако Вальтер не разделил энтузиазм своего старшего друга. Благородный рыцарь успел пообщаться с кнехтами, хорошо знающими эти земли, и узнал много нового и любопытного о здешних обитателях. Оказывается, прозвание свое морочене получили от славянского слово «морок», и среди соседей слыли отчаянными колдунами. Свою колдовскую силу они, по слухам, получали из озера Морочь, буквально кишевшего нечистой силой. Не менее громкой славой среди окрестных племен обладал здешний лес, через который крестоносцам еще предстояло пройти. Он тоже назывался Мороченским, то есть Колдовским, и неизменно оправдывал свою репутацию проклятого места на протяжении многих столетий.

В другой обстановке Герхард посмеялся бы над страхами суеверного Вальтера, но сейчас ему было не до смеха. Подобные слухи могли подорвать боеспособность крестоносного войска и сделать невозможным выполнение миссии, возложенной на них самим папой. Шевалье

де Лаваль на собственной шкуре испытал, как действуют подобные разговоры не только на простых кнехтов, но и на благородных рыцарей. Дурная слава рогов, которых многие алеманы считали оборотнями и демонами, буквально парализовала воинов, позволивших перебить себя словно стадо баранов на улицах города Любека.

– Звериная шкура на плечах не делает человека волком, – наставительно заметил юному другу искушенный Герхард.

– Зато она делает его оборотнем, – возразил Вальтер, – в поединке с которым не устоит даже самый храбрый рыцарь.

Герхард обратился было к Дитмару, отличавшемуся, вроде бы, трезвым умом, но, увы, епископ Гевельбергский не оправдал его надежд. Более того, папский легат выступил с проповедью, призвав доблестных крестоносцев покончить с нечистой силой, угнездившейся в здешних местах. Причем епископ Дитмар так красочно описывал жуткие проделки здешних оборотней и колдунов, что напугал даже скептически настроенного Лавалья. По мнению папского легата, помочь крестоносцам могла только искренняя вера в Спасителя, способная разрушить любой морок и любое колдовство.

– Не только в мече, но и в кресте наше спасение, – надрывался преподобный Дитмар перед огромной толпой кнехтов. – Господь покарает лишь тех нечестивцев, в чьих душах корысть преобладает над верой.

После этой блестящей во всех отношениях проповеди, в лагере крестоносцев воцарилось уныние. Многие благородные рыцари и простые обыватели отправились в поход, прельстившись обещаниями папы, отпустить грехи, в том числе и смертные, всем его участникам. А теперь вдруг выясняется, что слово папы ничто перед происками местных колдунов и демонов, которые, чего доброго, утащат вас в ад раньше, чем будет получен пропуск в райские кущи. Крестоносцы были взволнованы до такой степени, что архиепископу Магдебургскому пришлось выступать с разъяснениями обличительных речей преподобного Дитмара. По его словам, само участие христианина в походе делало его безгрешным и неподвластным местным демонам, ибо над крестоносцами простерта рука не только папы, но и самого Спасителя. Именно здесь и только здесь, под сенью креста, человек может чувствовать себя в безопасности от происков адских сил.

– С нами Бог, – воздевал к небу руки архиепископ. – Так с какой же стати мы будем бояться происков демонов и колдунов.

Дитмар, получив строгое внушение от Фридриха Магдебургского и других вождей похода, вынужден был замолчать. Ему было настоятельно рекомендовано, заняться обращением косневших в язычестве душ и оставить христиан в покое. Ибо отпущение грехов от папы Евгения они уже получили и могли со спокойной совестью не только спать, но и действовать во благо святой церкви.

Отдохнувшее в Гевельберге крестоносное воинство двинулось вперед бодрым шагом, но с некоторым беспокойством в растревоженных сердцах, не совсем понимая, кто же из двух красноречивых пастырей окажется, в конце концов, прав. Многие надеялись на правоту архиепископа Фридриха, ибо сильно сомневались в изначальной чистоте собственных помыслов. В конце концов, люди отправлялись в поход не только, чтобы защитить истинную веру, но и за добычей, которую им обещали щедрые вожди.

– Мороченский лес все расставит по своим местам, – мрачно прокаркал Вальтер. – Помяни мое слово, Герхард, правым окажется Дитмар, а вовсе не архиепископ Магдебургский.

Увы, пророчества Валенсберга стали сбываться почти сразу же, как только крестоносцы втянулись в колдовские дебри. Сначала, как водится, поползли слухи, один страшнее другого. Появились свидетели ужасных событий, утверждавшие на голубом глазу, что видели демонов ада, вылезавших из-под земли. Потом стали пропадать люди, причем среди бела дня. Возможно, речь шла о дезертирах, которые покинули ряды крестоносцев, испугавшихся трудно-

стей. Но пропавших становилось все больше и больше, и это уже нельзя было объяснить просто бегством. И если в дневную пору люди еще сохраняли бодрость, то ночь погружала их в беспокойство и страх. Крестоносцы жались к кострам, с ужасом прислушиваясь к непонятным горожанам звукам, несущихся из темных глубин.

Герхард настаивал, что уханье, доносившееся из леса, это проделки не бесов, а птиц, охотящихся по ночам не за алеманами, а за грызунами. А грозный рык, только что разорвавший ночную тишину, принадлежит зверю, скорее всего туру или оленю, коих немало в этих забытых богом и людьми местах. Кнехты слушали осведомленного человека с большим вниманием, но от костров отходили только по нужде. А люди между тем пропадали. Что беспокоило уже не только простых пехотинцев, но и вождей. И если в первую ночь пропало сто человек, то во вторую уже триста. Альбрехт Медведь настаивал на том, что это проделки морочен, знающих свой лес как пять пальцев, и призывал благородных рыцарей тщательней обыскивать участки леса, где они останавливаются на ночной отдых. Совету маркграфа вняли. Герхард де Лаваль лично облазил заросли вокруг поляны, которую благочестивый Дитмар избрал для стоянки. Рыцари и кнехты, сопровождавшие папского легата, развели огромные костры, осветившие лес едва ли не на полсотни метров вокруг. Увы, даже эти предосторожности не помогли Францу и Эберхарду сохранить свои жизни. Благородные рыцари отошли от костра едва ли дальше, чем на десяток шагов. Герхард и Вальтер следили за ними в четыре глаза. И вдруг рыцари исчезли, не издав ни звука. Словно растворились в воздухе. Герхард стрелой метнулся к месту происшествия, но не обнаружил ничего кроме нескольких кучек гнилых прошлогодних листьев. В этот миг шевалье де Лаваль впервые за время похода испытал суеверный ужас. У костра загомонили кнехты и служки епископа, а он стоял словно парализованный, тупо вглядываясь в темноту, за которой угадывались только стволы деревьев да подлесок.

– Что ты теперь скажешь? – спросил Вальтер, клацая зубами, у подошедшего к огню Герхарда. – Благородных рыцарей унесли ночные птицы? Или это все-таки лесные бесы так страшно пошутили с нами? А кому тогда принадлежали волосатые руки, сдавившие горло Эберхарда?

– Ты видел это существо? – насторожился Герхард.

– Я видел только руки, – в ужасе замотал головой Валенсберг. – Нечеловеческие!

Среди кнехтов нашлись очевидцы, разглядевшие окровавленную пасть демона, утыканную жуткими зубами, и даже языки адского пламени, вырвавшиеся из преисподней. В этом пламени и сгорели якобы несчастные рыцари. Эта версия, возможно, удовлетворила епископа Дитмара, но Герхарду она показалась сомнительной. А вот в волосатые руки, виденные Вальтером, он поверил. Франц и Эберхард стояли в четырех-пяти шагах друг от друга, каждый у своего дерева. Руки у них при этом были заняты. Исчезли они почти одновременно. Ни тот, ни другой даже не вскрикнули, скорее всего, рыцарей парализовал страх. А их замешательством воспользовались убийцы.

– Ты считаешь, благородный Герхард, что на рыцарей напали люди? – прямо спросил Альбрехт Медведь, лично проводивших расследование ночного происшествия, впрочем, далеко не единственного в войске крестоносцев.

– Они действительно увидели что-то страшное, – задумчиво произнес Лаваль. – Но это могли быть не демоны, а ряженные. В Гевельберге я видел жуткие образины из дерева едва ли не на каждом доме – что они означают?

– Говорят, что морочене таким образом отпугивают злых духов, – пожал плечами маркграф. – Якобы это лик их бога, которого они называют Велесом или Волосатым.

– А мне показалось, что эти образины больше похожи на звериные морды, чем на человеческие лица.

Альбрехт криво усмехнулся:

– Когда-то, во времена Карла Великого, саксы тоже почитали бога не только в образе человечьем, но и медвежьим. Мои далекие предки были его жрецами. Отсюда мое прозвище – Медведь. Ты ведь это хотел узнать, рыцарь?

– Не совсем, – покачал головой Лаваль. – Я видел рогов, облаченных в волчьи шкуры. Простые кнехты считали их оборотнями. Я в это не верю, но хотел бы знать, что думают по этому поводу сами носители звериных шкур. Это связано с какими-то мистериями религиозного свойства?

– Не пойму, к чему ты клонишь, благородный Герхард, – нахмурился Альбрехт.

– Я хочу знать, верит ли человек, напяливший на себя медвежью шкуру, что он сам превращается в медведя, и насколько эта вера глубока?

– А если верит, то что?

– Однажды в Триполи я видел колдуна, который водил обывателей по раскаленным углям, убеждая их, что это обычные камни. И люди по ним ходили – взад и вперед.

– А потом они корчились от боли?

– Нет, – покачал головой Лаваль. – Я сам осматривал их ступни и не обнаружил даже следа ожогов.

– И какая здесь связь? – заинтересовался маркграф.

– Я не исключаю, что морочене верят в то, что превращаются в медведей и заставляют поверить в это других. Для этой цели им служат звериные шкуры и искусно выделанные личины.

– Но ведь они появляются из-под земли?

– Скорее из неглубоких ям, присыпанных ветками и листьями.

– А тела убитых?

– Они уносят их с собой, чтобы нагнать на нас побольше страха, – пояснил Герхард. – Прикажи обыскать лес на несколько миль вокруг. Наверняка мы обнаружим трупы, убитых сегодня ночью. И тогда если не все, то многие поймут, что на них охотятся не демоны, пожирающие людей без остатка, а такие же смертные как мы.

Альбрехт Медведь внял совету разумного человека. У крестоносцев ушло полдня на то, чтобы облазить лес на несколько миль в округе. Но результат стоил потерянного времени. Лаваль и Валенсберг нашли тела своих несчастных товарищей в неглубоком овраге всего-то в пятистах шагах от поляны. На шее Франца остались синее пятна от пальцев человека, оборвавшего его жизнь. Эберхард, судя по всему, был задушен удавкой, ловко наброшенной ему на шею. Из чего Лаваль заключил, что морочене умеют прятаться не только под землей, но и на деревьях. Видимо, один из них сидел на той самой осине, где на свою беду решил справиться нужду несчастный Эберхард.

– Приятно иметь дело с разумным человеком, – усмехнулся Фридрих Саксонский, пожимая Лавалью руку. – А я ведь почти поверил в демонов из ада.

В отместку за проделки морочен, Альбрехт приказал сжечь первый же славянский город, стоявший на пути. Этим городом оказался Малахон, расположенный на берегу красивого и богатого рыбой озера. Малахон был пуст как и Гевельберг, жители на свое счастье успели его покинуть, иначе им пришлось бы испытать на себе ярость обманутых крестоносцев. В окрестностях Малахона Герхард впервые увидел славянское капище, обнесенное высокой оградой. Лаваль довольно долго стоял у распахнутых ворот, разглядывая деревянные лики чужих богов, но внутрь войти не рискнул. Отчасти из суеверного страха, но больше из опасения угодить в какую-нибудь ловушку, которую хитроумные славяне наверняка приготовили для незваных гостей. Капище тоже сожгли по приказу Фридриха Магдебургского, что не на шутку встревожило благородного Вальтера. Валенсберг всерьез опасался мести деревянных богов.

– Не завидую я епископу Дитмару, – вздохнул суеверный рыцарь. – Боюсь, он недолго протянет в этих диких краях.

– Зато мученическая смерть откроет ему дорогу в рай, – печально вздохнул Лаваль. – Завидная судьба для христианского проповедника.

– А для крестоносца? – спросил Вальтер.

– Я бы предпочел выбраться отсюда живым, – холодно отозвался Герхард.

Десятидневный поход через Мороченский лес обернулся для крестоносцев потерей пяти тысяч человек. Причем далеко не все из них были убиты славянами, большая часть, скорее всего, просто сбежала, убоявшись трудностей. А ведь крестоносцы еще не столкнулись с основными силами лютичей. И никто не знал, что ждет их впереди. Среди вождей опять возникли разногласия. Фридрих Саксонский предлагал навалиться всем скопом сначала на город Дымин, стоявший на реке Пене и принадлежавший племени поморян, а уж потом поворачивать на Щетин, столицу лютичей. Ему возражал Герман Рейнский, резонно заявляя, что пока крестоносцы будут осаждать Дымин, лютичи вполне способны зайти им в тыл с весьма печальными последствиями. По мнению пфальцграфа разумнее было бы блокировать сразу оба города, благо у крестоносцев хватало для этого сил. Маркграф Конрад Мейсенский поддержал благородного Германа, считая, что разделение армии поможет решить, кроме всего прочего, еще и проблему снабжения продовольствием, поскольку прокормить двадцатитысячную армию гораздо легче, чем сорокатысячную. Архиепископ Бременский возразил Конраду, что долгий переход уже уменьшил количество едоков, по меньшей мере, на одну пятую и что потери, скорее всего, будут продолжаться. Последнее слово осталось за маркграфом Альбрехтом, подсчитавшим, что лютичи и поморяне, если дать им время на сборы, могут утроить силы за счет жителей ближних и дальних земель. Но если захватить их врасплох, то вряд ли им удастся выставить против крестоносцев более чем по пять тысяч человек. Кроме того, следует помнить о печальном положении германцев в землях ободритов. Не исключено, что Генрих Лев и герцог Бургундский уже сняли осаду Добины и заключили мир с князем Никлотом. В этом случае лютичи и поморяне вполне могут рассчитывать на поддержку рогов и ободритов. Альбрехт Медведь говорил так витиевато, что Герхард заподозрил его в попытке скрыть истинное положение дел. А потому после окончания совета припер к стенке преподобного Дитмара. Папский легат долго отнекивался, но все же вынужден был признать, что дела крестоносцев под Добином не так хороши, как хотелось. А если быть уж совсем точным, то подозрения Лавалья вполне обоснованы – Генрих Лев и Конрад Бургундский уже повернули своих коней восвояси, не добившись от упрямого Никлота практически ничего. Епископ Гевельбергский и Альбрехт Медведь просто-напросто скрыли от своих союзников известие о конфузе, приключившимся с крестоносцами в княжестве ободритов, дабы не подорвать в них окончательно веру в победу. Герхард дал слово папскому легату, что сохранит его признание в тайне, но с этой минуты окончательно потерял веру в успех похода, затеянного в недобрый час папой Евгением и Бернаром Клевросским. Славяне, которых он почитал за людей смиренных и не склонных к насилию, показали-таки наставникам в христианской вере свой буйный нрав. И покорить их оказалось никак не легче, чем воинственных мусульман.

Армия крестоносцев разделилась на две почти равные части. Наступление на Дымин возглавили Альбрехт Медведь и Герман Рейнский. К Щетину двинулись Фридрих Саксонский и Конрад Мейсенский. Епископ Дитмар, как истинный подвижник выбрал для себя самый трудный путь. То есть присоединился к Альбрехту Медведю. Архиепископ Магдебургский примкнул к пфальцграфу Саксонскому. Благородным Герхарду и Вальтеру осталось только пожалеть о неразумии папского легата, вновь полезшего в лесные дебри вместо того, чтобы прогуляться вдоль реки. Поморяне гостей ждали. Это стало ясно уже на третий день пути, когда доблестный барон Адемар фон Штайн провалился вместе с десятком своих конных мечников в огромную волчью яму, утыканную колыями. Сам барон и шестеро его людей погибли, троих удалось извлечь живыми. Это происшествие не слишком огорчило маркграфа Альбрехта, но произвело гнетущее впечатление на его людей. Всем почему-то сразу же припомнился Моро-

ченский лес и те многочисленные утраты, которые понесли крестоносцы в его колдовских пределах. Многие рыцари и кнехты до сих пор верили, что подверглись нападению демонов, а на доказательства просвещенного Лавалю просто махнули рукой.

– Суеверные люди, – попытался утешить старшего товарища Вальтер, тревожно оглядываясь по сторонам.

– Демонов ищешь? – с усмешкой спросил Герхард.

– Лучника, – отозвался Валенсберг, вскидывая щит.

В этот раз врожденная осторожность помогла Вальтеру уцелеть там, где погибли более тысячи его товарищей. Вытянувшаяся в гигантскую змею армия крестоносцев была атакована лучниками сразу с двух сторон. Стрелы летели густо, и Лавалю на мгновение показалось, что наступила ночь. К счастью, он вовремя успел соскользнуть с коня, ставшего жертвой чужого коварства. Кониная стала серьезным подспорьем для пустых желудков незадачливых крестоносцев, зато Герхарду пришлось поутру отправляться в поход пешком. Впрочем, он не был одинок в своем несчастье, и это обстоятельство примирило его с действительностью. Никто из нападавших не пострадал. Поморяне исчезли раньше, чем алеманы успели изготовиться для атаки. Благородный Вальтер предложил Герхарду воспользоваться его конем. Ехали они по очереди, разнообразя свой путь пешими прогулками. По уверениям епископа Дитмара, до Дымина было рукой подать. Однако Герхарду стало уже казаться, что их блуждание по славянским дебрям не закончится никогда. Или закончится смертью. Ибо поморяне не оставляли пришельцев своим вниманием на протяжении вот уже трех дней. И каждый раз нанесенный ими урон заставлял маркграфа Альбрехта темнеть лицом и скрежетать зубами. Многие кнехты всерьез полагали, что угодили в ад. Что касается Герхарда, то он считал поморские леса лишь преддверием, ад наверняка ждал их впереди. Особенно его тревожила гибель коней. По слухам, у поморян практически не было кавалерии, зато в пешем строю они могли поспорить не только с алеманами, но и с демонами. Альбрехт Медведь с каждым днем трудного пути терял свои преимущества. О внезапности нападения теперь уже можно было забыть. Боевой дух крестоносцев упал настолько, что не мог не внушать тревоги. И в довершение всех бед половина рыцарей лишилась своего главного преимущества – коней. А ведь в начале похода почти у каждого их было по паре – один для битвы, другой для переходов. Герхард и Вальтер, чудом спасшиеся от мечей разъяренных рогов, были в этом ряду несчастливим исключением, у них имелось по одному коню, да и то ворованному. До недавних пор их выручал епископ Дитмар, обзаведшийся небольшим обозом, но мобилизованные им кони уже пали, частью от стрел поморян, частью от трудностей похода. Люди пока держались, но их силы были уже на пределе.

Цитадель города Дымина располагалась на вершине холма, а жилища простых обитателей словно бы сбегали с этого холма к равнине, очищенной от зарослей то ли самими славянами, то ли Богом, решившим избавить их от больших хлопот. Город был обнесен валом, на котором возвышались стены из массивных бревен и около десятка башен, тоже деревянных, но довольно крепких на вид. Цитадель, выстроенная из камня, угрожающе нависала не только над городом, но и над всей местностью, радующую глаз веселым разнотравьем. Справа от Дымина протекала река, делающая крутой изгиб в том самом месте, где стоял город. Слева была открытая местность, лишь местами поросшая березовыми колками и подлеском. Пашни и огороды, судя по всему, располагались за городом. Во всяком случае, земля, по которой двигались к Дымину крестоносцы, никогда, похоже, не знала ни плуга, ни семян культурных растений. Надо отдать должное поморянам, построившим свою столицу на полуострове, с трех сторон окруженном водой. Для штурма крестоносцам оставалась только западная сторона, где городские стены были особо высоки. Именно здесь, на обширной поляне, Альбрехт Медведь и Герман Рейнский решили устроить свой стан. Кнехты, потерявшие в лесных дебрях своих товарищей, не скрывали радости по поводу того, что могут обозревать окрестности на много миль вокруг.

Правда, возникли проблемы с топливом для костров, за которым приходилось ходить к редколесью едва ли не за полторы тысячи шагов, но подобные мелочи мало кого заботили.

– Странно, – задумчиво проговорил Герхард, оглядываясь по сторонам, – местность вроде бы удобная для пашни, а лежит вбросе.

– Здесь же огороды кругом, – возразил Вальтер, хрумкая только что сорванной морковью.

– Через две мили огороды обрываются, а дальше – нехоженная земля.

– Пашни у них расположены дальше, с северной стороны. Только жито еще не созрело.

– Вот я и спрашиваю, почему они пахут там, а не здесь.

– Где им удобнее, там и пахут, – рассердился Вальтер. – Какая муха тебя сегодня укусила? Радуйся жизни, благородный Герхард. Скоро решительный штурм, а там – как Бог даст.

Поморяне никак не отреагировали на появление у стен столицы огромной вооруженной толпы, которая уже завтра поутру могла стать грозной армией, сметающей все со своего пути. Дымин словно бы замер в преддверии беды. Герхард сел на чужого коня и подъехал едва ли не к самому рву. Никто его не окликнул, никто не погрозил ему кулаком ни с приворотной башни, ни со стены. В Дымине царил мертвая тишина. Могло создаться впечатление, что жители покинули город, узнав о приближении врага. Знать бы еще, куда они ушли. А точнее, где затаились, сберегая силы для решающего броска. Видимо, странное поведение поморян обеспокоило не только шевалье де Лавалья, но и вождей похода. Во всяком случае, Альбрехт Медведь тоже выехал из лагеря в сопровождении небольшой свиты, и проехался вдоль рва, держась, правда, на расстоянии полета стрелы от городских стен.

– Жители либо затаились, либо вообще покинули город, – сказал Герхард, подъезжая к маркграфу.

– Они там, – покачал крупной седеющей головой Альбрехт. – Поморяне так просто свою столицу не отдадут.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете сонные алеманы вдруг увидели чужое войско у себя за спиной. Поморяне выстроились у того самого редколесья, где еще вчера вечером кнехты собирали топливо для костров. Их появление было настолько неожиданным, что Герхард невольно протер глаза. Из-за утреннего тумана очень трудно оказалось определить численность вражеской армии, но, судя по всему, она была немалой, если славяне решили напасть на врага. Странно только, что они не ударили на спящий стан ночью, хотя такая возможность у них имелась.

– Хотел бы я знать, где они прятались весь вчерашний день, – вздохнул огорченный Вальтер. – Неужели за тем дальним холмом?

Крестоносцы поспешно строились на самом краю своего плохо оборудованного лагеря – лицом к врагу, спиной к городу. Последнее обстоятельство очень огорчало Герхарда, опасавшегося внезапной вылазки осажденных. От поля предстоящей битвы до городского рва было всего каких-нибудь две мили, которые можно было преодолеть за очень короткий срок. С большим трудом шевалье де Лавалю удалось выпросить у епископа Дитмара коня. Он сразу почувствовал себя полноценным рыцарем и почти весело подмигнул Вальтеру. Конных крестоносцев под штандартом пфальцграфа Рейнского собралось более трех тысяч. Сила немалая, надо признать. Особенно если учесть, что противостоять им будут пехотинцы. Вожди похода уже разработали план атаки, незамысловатый, по мнению Герхарда, но действенный. Конница под командованием Германа Рейнского должна была обойти поморян с фланга и ударить им в тыл, благо равнинная местность позволяла это сделать. А довершить начатый ими разгром следовало пехоте. Дабы избежать всяческих сюрпризов со стороны города, Альбрехт Медведь решил оставить в лагере пять тысяч кнехтов, готовых отразить натиск любого врага. Предосторожность далеко не лишняя, учитывая коварство славян, уже не раз испытанное на себе крестоносцами.

Тяжеловооруженная конница двинулась с места не спеша. Надо было сохранить утомленных переходом коней для битвы. Осторожный Герман Рейнский сделал большой крюк, дабы не подвергать своих людей опасности обстрела со стороны поморянских лучников, уже успевших показать крестоносцам свою меткость. К сожалению, эта неспешность передвижения конницы позволила славянам попятиться назад на довольно значительное расстояние, что не могло не огорчать кнехтов, уже перешедших в атаку. Им пришлось остановиться, чтобы перевести дух и изготавиться для нового решительного броска. Создавалось впечатление, что поморяне наконец-то осознали численное превосходство своего врага и теперь пытались избежать столкновения. Чего, разумеется, нельзя было допустить. Конница крестоносцев ускорила ход, чтобы помешать растерявшемуся противнику, покинуть поле битвы. Топот копыт почти заглушил звуки начинающегося сражения. Насколько мог видеть Герхард, кнехты уже настигли отступающих поморян и навязали им решительный бой. Что значительно облегчило рыцарям выполнение поставленной задачи. Шевалье де Лаваль уже видел спины врагов, на удивление немногочисленных, когда под копытами его коня вдруг разверзлась земля. Точнее, не разверзлась и разъехалась, расползлась словно кисель. Кони крестоносцев стали погружаться в топь раньше, чем их всадники успели заметить опасность.

– Болото! – дико закричал Вальтер, глядя на Герхарда круглыми от ужаса глазами.

Конь Валенсберга уже утонул в грязи по самое брюхо, а сам он никак не мог сползти с седла. Похоже, у него нога застряла в стремени. Герхард даже не пытался спасти своего гнедого, он упрямо полз по расползающейся грязи к тонущему товарищу, с ужасом осознавая, что может не успеть.

– Ногу освободи! – хрипел он Вальтеру, уже потерявшему над собой контроль и барахтающемуся в коварной топи, словно в лохани с водой. Каким-то чудом Герхард дотянулся до его волос, но тут же начал тонуть сам. Конь, уже погружившийся в топь, тянул на дно и своего хозяина, и Лавалья, пытавшегося его спасти. А вокруг хрипели гибнущие животные и вопили люди, пытаясь выбраться из объятий липкой смерти, настигавшей их с пугающей быстротой. Лаваль уже утратил надежду на спасение, когда вдруг почувствовал твердую опору под левой рукой. Кто срубил или сломал эту березу, одиноко возвышающуюся среди топи, он так и не понял, зато для него она оказалась тем мостом, по которому он смог вернуться в этот мир. Он с такой силой рванул Вальтера на себя, что тот заверещал от боли. Видимо, в последний момент Валенсберг успел высвободить ногу из стремени и сейчас медленно выползал из объятий смерти, словно во второй раз рождался на белый свет. А Герхард все тянул и тянул его за собой цепляясь за ствол и ветки, отчаянно расталкивая грязь ногами, пока вдруг не почувствовал, что спасен. На твердую землю он выбрался сам, таща за собой обессиленного друга. Первое, что он увидел, было мокрое от слез лицо Германа Рейнского. Пфальцграф, чудом не угодивший в болото, оплакивал смерть своих людей. Вокруг него суетились те, кому повезло больше, чем их товарищам. Увы, помочь гибнущим, они не могли. Топь поглощала крестоносцев с жадностью монстра, время от времени выбрасывая на поверхность огромные пузыри. За несколько минут Герман Рейнский потерял две трети своих людей, а те, что уцелели, были объаты ужасом почти суеверным. Чужая земля отказалась нести их победе, она разверзлась под копытами их коней, заглотив в свое ненасытное чрево германскую славу и оставив уцелевшим в назидание только вонь и горечь утраты.

Герхард с трудом поднялся на ноги, вытер липкую грязь с лица и огляделся по сторонам. Альбрехт Медведь со своими кнехтами с трудом сдерживал поморян, атакующих его со стороны города. Куда исчезли люди, обманувшие крестоносцев сегодня утром, анжуец так и не понял. Шевалье де Лавалью хотелось верить, что они либо утонули в трясине, либо были изрублены кнехтами, мстящими за погибших рыцарей. Но в любом случае положение маркграфа оказалось незавидным. Он позволил завлечь себя в болото и теперь балансировал на самом краю тверди, бросая на копья и мечи поморян своих обезумевших от ужаса пикинеров.

– Надо помочь! – обернулся Герхард к пфальцграфу. – Без нас они не выберутся из ловушки.

Под рукой у Германа Рейнского оставалось пятьсот конных и три сотни пеших перемазанных грязью рыцарей, их он и повел на помощь гибнущим в болоте кнехтам Альбрехта. Поморяне вовремя заметили опасность и стали медленно пятиться назад. Сначала в их фалангу врезались конные рыцари, но прорвать ее не смогли. Славяне, оцетинившись копьями, стояли столь твердо, что сумели выдержать и напор конских туш, и удар подоспевших им на помощь пеших рыцарей. Однако отчаянную атаку Германа Рейнского можно было считать удачной. Уцелевшие кнехты успели вырваться из болота и теперь поспешно строились в ряды на твердой земле за спинами своих товарищей. Лаваль, без усталости орудовавший мечом, перемазанный грязью и кровью, не сразу расслышал сигнал отхода. Он почти обезумел от потрясений сегодняшнего дня, и только громкий крик Вальтера отрезвил его:

– Отходим, Герхард!

Рыцари, как конные, так и пешие, медленно отступали назад по всему фронту, вынося на плечах своих раненных товарищей. Поморяне их не преследовали, в спешке перестраивая свои ряды для нового столкновения. Крестоносцы, поредевшие наполовину, все-таки и сейчас превосходили их числом. Впрочем, к славянам могла подойти подмога, а вот германцем ее ждать было неоткуда. Кнехты были измотаны до такой степени, что уже не могли, а главное не хотели сражаться. Крест, который они взвалили на себя по призыву папы, оказался слишком тяжел для их спин. Трещавший хребет крестоносного войска вот-вот готов был переломиться, и это, наконец, понял даже упрямый Альбрехт Медведь.

– Отходим к Щетину, – распорядился маркграф, и эти его слова были восприняты с громадным облегчением всеми без исключения участниками похода. Вот только радость их была преждевременной. Поморянская земля не хотела отпускать тех, кто вторгся в ее пределы с оружием в руках. Видимо, вожди славян понимали, какую опасность для них будет представлять все еще не разгромленная армия крестоносцев после того, как две ее потрепанные части соединятся в один жизнеспособный организм. За время отступления германцы еще трижды подвергались массированному нападению поморян, а засадам на их пути просто не было числа. Люди валились с ног от усталости, голода и подступающих болезней и далеко не всех потом удавалось поднять.

– У тебя седая прядь в волосах, – сказал вдруг Вальтер Герхарду, отводя глаза. – Прямо надо лбом.

– Старею, – криво усмехнулся Лаваль и поспешно ухватился за лопату. – Копай, благородный рыцарь, боюсь, что это не последняя могила на нашем пути.

Арнульф фон Мейнсдорфу почти повезло. Ему предстояло покоиться в отдельной могиле под высокой сосной, гордо вознесшей к небесам свою зеленую корону. Большинство умерших и погибших так и остались в чужой земле не погребенными. А их бранные останки стали добычей птиц и зверей.

– Сколько ему было лет? – спросил Герхард, тупо глядя в изможденное лицо умершего.

– Двадцать, – нехотя отозвался Вальтер. – Мы были одногодками. После этого похода Арнульф собирался жениться. Увы...

– Значит, не успел нагрешить, – констатировал Лаваль. – Будем надеяться, что в райских кущах ему будет много лучше, чем на земле.

Фридрих Саксонский и Конрад Мейсенский подкреплений не ждали. Поход крестоносцев по земле лютичей не был легкой прогулкой, но до крупных стычек дело у них не доходило, а потому и силы им удалось сохранить. Осторожный Фридрих все свое воинское умение тратил на то, чтобы уклониться от жестких объятий врага. Он петлял по чужой земле как заяц, ловко уходя из расставленных силков, но и урона врагу почти не наносил. Его маневры дово-

дили рыцарей до белого каленья, а разбившие в кровь ноги кнехты всерьез поговаривали о бунте. В довершение всех бед среди животных начался мор. За несколько дней сдохла половина лошадей, а остальные превратились в кляч, которых их незадачливым наездникам приходилось тащить чуть ли не на собственных плечах. Когда ропот среди крестоносцев достиг апогея, хитроумный пфальцграф вывел их, наконец, к городу Шетину. Конрад Мейсенский даже крикнул от огорчения, когда его глазам открылось воистину величественное зрелище. Шетин был велик и очень хорошо укреплен. Его население почти втрое превосходило армию крестоносцев, и вооруженных людей там, надо полагать, хватало. Благородный Фридрих бодро приказал своим мастерам строить метательные орудия. Конрад Мейсенский полагал, что без осадной башни, лучше всего двух, крестоносцам не обойтись. Его поддержал архиепископ Магдебургский.

– Стройте, – легко согласился Фридрих и отправился в свой шатер отдыхать.

Разбудил маркграфа беспокойный Конрад. Вид у Мейсенского был почему-то смущенный, словно он невзначай заглянул в чужую спальню и обнаружил там совсем не то, что ожидал.

– Муж вернулся из похода? – спросил, зевая, Фридрих.

– Какой еще муж?

– Извини за глупый сон, – спохватился разомлевший пфальцграф. – Лютичи решились на вылазку?

– Они выставили на стены кресты.

– Какие еще кресты? – изумился пфальцграф, приподнимаясь на локте.

– Христианские.

– Они что же, сдаются?

– Не похоже, – покачал головой Мейсенский. – Ворота города закрыты наглухо. Кнехты шепчутся, что это божье знамение.

– Какое еще знамение?! – подхватился на ноги Фридрих. – Они что, с ума сошли?!

Пфальцграф Саксонский штурмовать город не собирался, во всяком случае, до подхода Альбрехта Льва. С его стороны это было бы безумием, учитывая высоту шетинских стен, не говоря уже о каменной цитадели. Свою задачу он выполнил, заперев князя Ратибора в его логове и обезопасив тем самым тылы маркграфа. А что до метательных орудий и осадных башен, то они возможно пригодятся Альбрехту Медведю, готовому к любым подвигам во славу Христа и для пользы собственной мощи. Однако кресты на стенах столицы лютичей оказались для пфальцграфа полной неожиданностью. Фридрих вперил грозный взгляд в архиепископа Магдебургского, заставив того порозоветь от смущения.

– Возможно, лютичи христиане, – забормотал прелат. – Но это не точно. Мне говорили, что у них есть епископ, но есть и волхвы, исполняющие свои обряды. И вообще они ненадежные христиане, склонные к греху.

– А мы, по-твоему, праведники? – просипел севшим от бешенства голосом Фридрих. – Мы что, ангелов собрали под свои штандарты?

– Не богохульствуй, сын мой, – возвысил голос архиепископ. – Мы сюда пришли по воле папы Евгения. Среди лютичей есть немало язычников и еретиков.

– И как, по-твоему, мы будем отделять чистых от нечистых? – ехидно спросил пфальцграф. – Что я скажу рыцарям и кнехтам? Вот этого лютича убивай и попадешь в рай, а вон того не трогай, поскольку он христианин, и за его убийство ты отправишься в ад.

– Но ведь и христиане воюют друг с другом, – робко заметил Конрад.

– Воюют, – согласился Фридрих, – но не под хоругвью Христа. То, что ты предлагаешь нам, епископ, – святотатство. Мои люди приняли крест вовсе не для того, чтобы убивать единомерцев, – им нужен рай, а не ад.

– А если лютичи первыми нападут на нас? – спросил Конрад.

– В этом случае вы вправе защищаться, – опередил с ответом Фридриха архиепископ Магдебургский.

– Тогда будем ждать, – развел руками Мейсенский, уныло глядя на город, ставший вдруг в одночасье недоступным.

Прибытие Альбрехта Медведя с потрепанным и отощавшим воинством сначала обрадовало крестоносцев, а потом повергло в шок. Маркграф Северной марки оставил в землях поморян две трети своих людей, а остальные были утомлены до такой степени, что едва держались на ногах. Благородные рыцари, прежде дружно ругавшие Фридриха Саксонского за нерешительность, прикусили языки. Многие вдруг осознали, что лучше иметь полководца склонного к хитроумным маневрам, чем воинственного вождя, привыкшего ломить напрямик. Войско крестоносцев за полтора месяца войны уменьшилось более чем вдвое и теперь насчитывало менее двадцати тысяч человек. Причем третью их часть составляли больные и раненные, непригодные для серьезных дел. Иные из вождей уповали на помощь Бога, однако Фридрих Саксонский был не из их числа.

– Город мы не возьмем, – жестко сказал он. – Только зря погубим людей. Нам впору не воевать, а просить помощи у славян. Тем более что лютичи христиане. Большого урона их земле мы не нанесли, так что вправе рассчитывать на снисхождение.

– Чудовищно! – всплеснул руками архиепископ.

– Я потерял почти всех своих рыцарей, – зло глянул в его сторону Герман Рейнский. – А мои кнехты воевать против христиан не будут. Не затем мы сюда шли.

Тягостное молчание, воцарившееся в шатре, длилось целую вечность, все ждали, что скажет Альбрехт Медведь, самый старший и самый опытный среди графов и баронов. Однако маркграф почему-то медлил с прочувственной речью. Его опередил Вальтер фон Валенсберг, ворвавшийся в шатер с круглыми от удивления глазами:

– В лагерь прибыл епископ Щетина в сопровождении святых отцов.

– Ну вот, – глухо вымолвил Фридрих Саксонский. – Дождались. Сейчас славяне прочтут нам проповедь о христианском смирении. Они уже врезали нам по правой щеке, самое время подставить левую, не правда ли, благородный Альбрехт?

Глава 4 Господин Великий Новгород.

На пути в родные места Вузлев, как звали его славяне, завернул на остров Рюге. И у Филиппа появилась возможность познакомиться с городом, о котором он столько слышал. Лузарш повидал на своем веку немало крепостей, но Аркона поразила его мощью своих каменных стен и башен. Эта неприступная твердыня на краю земли могла отпугнуть даже самого упорного завоевателя. Не говоря уже о том, что обороняли цитадель самые искусные бойцы, которых породил наш мир. За последние недели Филипп вдоволь насмотрелся на ругов, а потому мог со всей ответственностью судить об их умении. В арконской гавани собралось немало судов, в том числе из германских и франкских земель, что не могло не удивить Филиппа.

– Руги не трогают купцов из тех городов, которые заключили с ними соглашения, – пояснил гостю из далекой Сирии Глеб. – Не так черт страшен, как его малюют.

Вузлева Гаста, похоже, очень хорошо знали в Арконе. Четирем его ладьям, почти по самые борта загруженным добычей, сразу же нашлось место у пристани. Разгружать свои суда Вузлев не стал, из чего Лузарш заключил, что боярин не собирается задерживаться на таинственном острове. В город Вузлев взял только Филиппа и Глеба, оставив всех своих мечников на берегу.

– А Новгород больше Арконы? – спросил Лузарш у Глеба, когда они миновали городские ворота, расположенные в массивной башне.

– Раз в пять, как не более, – усмехнулся младший Гаст. – Хотя внешние стены у нас пожиже. Разве что Детинец может поспорить со здешними укреплениями. Новгородская земля поболее твоей Сирии будет, Филипп. Кстати Новгород хоть и главный, но не единственный из наших городов. Имеются еще Псков, Ладога, Торжок, Хлынов – в общем, есть, где развернуться удачливому человеку. Одних волостей у нас пять, а зависимые от Новгорода земли тянутся аж до Студеного океана. Что же касается ругов, то они обречены, не вслух и не в этих стенах будет сказано.

– Почему? – удивился Филипп. – Ведь славяне одолели алеманов, а это не каждому народу под силу.

– Князей много, а ладу между ними нет, – горько усмехнулся Глеб. – Видел, сколько людей поднялось по слову папы – на два похода хватило. А у кудесника Богумила под началом от силы пять-десять тысяч человек. За свою землю славяне готовы биться, а за чужую нет. А чужими они считают не только земли германские, но и земли других славянских племен. Вера тоже князей разобщает – одни как лютич Ратибор уже приняли христианство, другие, как Никлот, еще держаться за старых богов.

– А почему в Арконе храмы деревянные? – удивился Филипп, разглядывая огромное сооружение, поразительных пропорций и красоты, украшенное причудливой резьбой.

– Славянские боги не живут в каменных домах, – пояснил Глеб. – Зато сами руги придерживаются иного мнения.

Усмешка на красиво очерченных губах Гаста была, что называется, к месту. Каменных домов в Арконе оказалось больше, чем деревянных. Причем преобладали огромные здания в два-три яруса, способные вместить до сотни человек. Стояли они почти вплотную друг к другу, и каждое представляло собой крепость внутри крепости.

– Они родами живут, – пояснил Глеб. – У каждого рода своя земля за пределами Арконы, там руги тоже строят жилища. Заметил, что на улицах почти нет женщин? А ведь у каждого руга по две, а то и по три жены. В случае серьезной опасности они привозят их сюда, за стены крепости. Здесь у них припасы и казна. У каждого рода своя казна и свои припасы. Да и храмы

накопили немало богатств для своих богов, оттого и зарятся на Аркону все охотники за золотом и серебром.

Филиппу и Глебу хватило полдня, чтобы обойти весь город и осмотреть его храмы, правда, только снаружи. Гаст почему-то не рискнул ввести гостя под величественные своды, видимо не рассчитывал на теплый прием. Впрочем, Филипп и не настаивал, ему и без того хватало впечатлений. Этот чудом уцелевший осколок уходящего мира внушал не только уважение, но и грусть по поводу его грядущей судьбы. Глеб, скорее всего, прав. Папы и епископы не потерпят, чтобы в Европе процветал иной уклад жизни, далекий от христианских идеалов, которые они насаждали с тупым упорством.

– Базиль встречается с кудесником?

– Да, – не стал скрывать Глеб. – Белому Волку всегда есть о чем поговорить с волхвами.

Видимо, разговор получился не слишком веселым, во всяком случае, Вузлев Гаст всю долгую дорогу до Новгорода был сосредоточен и хмур. Филипп не докучал его расспросами, но с удовольствием слушал рассказы Глеба о городе, в котором ему еще предстояло побывать. В Новгороде было две стороны, Софийская и Торговая, разделенные рекой Волхов, впадающей в Ладужское озеро. Стороны делились на пять концов, Словенский, Плотницкий, Загородский, Гончарский и Наревский. Два последних располагались на левом берегу, остальные на правом. Город вел торговлю не только со славянскими княжествами, но с германцами, франками, скандинавами и волжскими булгарами, о которых Филипп слышал в первый раз.

– Наши булгары вашим сельджукам почти родня, – пояснил Глеб, – и язык у них сходен, и обычаи, и даже вера – мусульманская.

– А князь в Новгороде есть?

– Есть, но только пришлый. Ему даже землей новгородской запрещено владеть. Коли люб он новгородцам, то его терпят, а коли не по сердцу пришелся, так могут и прогнать. Вече новгородское иной раз бывает капризно, как девка на выданье.

– Вече – это что?

– Собрание горожан. С ним вынужден считаться не только князь, но и Господа. В последней заседают бояре и богатые купцы, а возглавляет Господу новгородский архиепископ, вместе с посадником и тысяцким. Посадник гражданскими делами управляет, тысяцкий – военными.

– И в остальных русских землях такой же уклад? – спросил заинтересованный Филипп.

– Нет, – покачал головой Глеб. – На Киевщине и в Суздальской земле князья большую волю взяли. Но и им приходится считаться не только с боярами, но и с простыми горожанами. Ремесленников у нас в городах много, Филипп, не менее чем в твоей Сирии. Видел, какие мечи мне сковали в Суздале – из вороненой стали. У нас их называют харалужными. Дамасским клинкам крепостью не уступят.

– А кто тебя двумя мечами биться научил?

– Есть в вятских лесах такие умельцы, – усмехнулся Глеб. – Ты боярина Кучковича помнишь, который вместе с полоцкими князьями в Антиохию приходил? Он как раз из вятичей, с Москва-реки. У Гастов там владения обширные. Можно сказать мы с теми Кучковичами соседи. Пока отец был жив и сидел княжьем наместником в Ростове, то в тех краях был мир. А после его смерти князь Юрий загоношился, пошел на вятичей войной. Но на лесовиков где сядешь, там и слезешь. У них больших городов почти нет, по усадьбам сидят, а те усадьбы, что твои замки. И за каждым боярином – род, а то и племя. Пришлось Юрию Владимировичу с Кучковичами родниться. Когда я из вятских земель в Новгород уходил, князь сына Андрея женить собирался. Девки у Кучковичей как на подбор – бери любую.

– Выходит, ты с князем Юрием в ссоре? – огорчился Филипп.

– Помирились уже, – усмехнулся Глеб. – Все-таки родная кровь – он мне дядькой доводится. А ты что, с ним задумал повидаться?

– Хотелось бы присмотреться, что за человек.

– Долгорукий он, все время к чужому добру тянется, но гостей любит, особенно с византийской стороны.

Филипп смутился под пристальным взглядом Глеба. Было у него письмо к суздальскому князю от протоспафария Константина, но прежде чем вслух об этом говорить, следовало все-таки повидаться с Юрием Владимировичем. Ибо от этой встречи многое могло измениться не только в Руси, но и в Византии.

Глеб на молчание гостя не обиделся, видимо тоже считал, что всему свой черед. Да и затянувшееся путешествие подходило к концу, не до разговоров стало старым друзьям. По морю тяжелые ладьи шли под парусами, а как вошли сначала в Неву, а потом в Ладожское озеро, пришлось всем приналечь на весла. Особенно тяжело дался Филиппу последний отрезок пути, по Волхову. Грести пришлось против течения, что с непривычки едва не сломало далеко не изнеженного шевалье. Филиппа поразило количество судов, стоявших у новгородских пристаней по обоим берегам реки. Создавалось впечатление, что ладьям Гастов и приткнуться будет негде, а значит, бедному Лузаршу придется вновь грести неведомо куда до полного изнеможения.

– Не пугайся, шевалье, у Вузлева свой вымол на Торговой стороне, – засмеялся Глеб – Будет куда приткнуться.

Филипп, закостеневший на весле, думал, что ему теперь вовек не разогнуться, но жизнь заставила не только подняться со скамьи, но и подставить спину под тяжелый тюк с товаром. Вузлев Гаст недаром обчистил склады, приготовленные рачительным епископом Дитмаром, добычи привезенной им из похода хватило бы, чтобы одеть, обуть и снарядить для похода несколько сотен человек. К счастью, мечникам новгородского боярина недолго пришлось пластаться без помощников. Людей на пристань набежало столько, что у Филиппа даже зарябило в глазах. Они-то и взвалили на себя большую часть забот о привезенном товаре.

– Икнется нам еще эта добыча, – негромко сказал Глеб, поглаживая ладонью одеревеневшую спину.

– Почему?

– У Новгорода с Любеком договор, а мы туда не с торговлей ходили. Господе это может не понравиться.

Пока Филипп обдумывал слова Глеба, расторопные люди в белых до колен льняных рубахах подогнали подводы. Большую часть товара уже поместили на склад, стоящий здесь же у пристани, а на телеги грузили самое ценное – золотую и серебряную посуду, парчовые ткани и оружие.

– Ну вот, – вздохнул Глеб. – Теперь можно сказать, что мы дома.

До дома, впрочем, пришлось проделать немалый путь по мостовой из жердей, плотно пригнанных друг к другу. Мостовые были не широки, двум телегам только-только разминуться, зато крепко слажены, без прорех и выбоин. Телеги по ним катили не задерживаясь.

– За худую мостовую староста взгреть может сотников и десятников, – пояснил Глеб. – На их содержание большие деньги берут с волостей, а потому и спрос строгий.

Новгород настолько отличался от Арконы, что Филипп даже головой покачал. Там мрачные каменные здания, здесь срубы из бревен, которые Глеб называл избами. Причем каждая изба стоит на особицу, окруженная плетеной изгородью. И хотя огороженные усадьбы не слишком велики, места для пристроек хватает. Почти в каждом дворе есть птичники и помещение для скота. Есть избы поскоромнее, а есть и побогаче, но почти все украшены резьбой и подле каждой поставлено крыльцо с замысловатыми завитушками. Филипп, привыкший совсем к другим городам, где глиняные хижинки ремесленников буквально лепятся друг к другу, был настолько поражен увиденным, что приостанавливался чуть ли не у каждой усадьбы.

– Широко живем, – согласился Глеб. – Новгородцы люди не бедные.

Следом за избами ремесленников стояли дома купцов и знати, которые Гаст называл теремами. Эти возвышались не за плетнями, а за высокими заборами из толстенных плах. Построены они были тоже из бревен, но до того причудливо, что Филипп никак не мог их охватить взглядом. Дворы у бояр и купцов тоже были куда обширнее, чем у простых ремесленников. Конюшни и птичники здесь были сработаны на славу. Об амбарах и говорить не приходилось. Филипп все время порывался заглянуть через высокие заборы, но Глеб его остановил:

– Насмотришься еще. Эка невидаль купеческие хоромы. Ты княжьих палат еще не видел.

Место, которое Глеб назвал Ярославовым двором, было обнесено каменной стеною. Кроме дворца, предназначенного, видимо, для князя, здесь был еще и собор, ставленный на византийский лад, с позолоченными куполами. Однако, к немалому удивлению Гаста, гость остался к подворью, выстроенному еще при князе Ярославе, равнодушным.

– Я ведь бывал в Константинополе, Глеб, там такие дворцы и соборы едва ли не в каждом квартале есть.

Зато терем Вузлева Гаста произвел на Филиппа ошеломляющее впечатление. В центре грандиозного строения возвышалась огромная деревянная башня в четыре яруса. Еще шесть башен, но двухъярусных, стояли по сторонам, и от них к главной башне тянулись крытые галереи, которые Глеб назвал сенями. Такие же галереи соединяли все шесть башен между собой, создавая причудливый и непривычный глазу ансамбль.

– Башни у нас называют избами или клетями, – пояснил Глеб. – В каждой такой клети есть печь, в главной клети их две. Сени не отапливаются зимой, но если возникнет необходимость, то там ставят жаровни с углями. В главной башне живут женщины и дети, а мечников размещают в башнях ближних к воротам. Челядь – в дальних. Жилые помещения в основном на вторых ярусах, а на первых, которых называют подклетями, размещают припасы и все необходимое для жизни. Те бревенчатые срубы – амбары. Это – конюшня. Далее – хлев и птичник. Боярыне Славне поклонись.

– Что? – не сразу понял шевалье, но тут же спохватился.

На крыльцо, которое Глеб назвал красным, выплывала, другого слова не подберешь, женщина поразительной красоты и такой величественной осанки, что ей позавидовали бы византийские императрицы. На боярыне была бирюзовая шелковая рубаша с широкими рукавами, а поверх нее одеяние из парчи, название которого Филипп не знал, а спрашивать было неловко. Голову боярыни украшал головной убор, усыпанный спереди драгоценными камнями, а сверху и сзади прикрытый шалью из тончайшей полупрозрачной материи. Благородная Славна сошла с крыльца и поклонилась сначала мужу, потом гостю, далее Глебу и уж затем мечникам.

– Будь здорова боярыня Славна, – дружно рявкнули те.

Шевалье де Лузарш отвесил благородной даме изящный поклон и горько пожалел о том, что не успел сменить просоленный гамбезон, на более приличествующее случаю лазоревое блио. Зато у него хватило ума преподнести боярыне роскошное ожерелье, хранившееся в походной сумке. Ожерелье было тонкой византийской работы и, похоже, приглянулось величавой хозяйке, одарившей гостя любезной улыбкой. Боярыню сопровождали еще несколько женщин, статус которых не был определен, а потому Филипп воздержался от любезностей и поклонов, дабы не попасть впросак.

Глеб жил в одной из шести угловых клетей, в свою очередь разделенных на несколько комнат. Причем разгорожена клеть была так, чтобы одна из сторон сложенной из кирпича печи, обогревала довольно просторные помещения. Глеб называл эти помещения горницами. В одной из них стоял стол, заваленный пергаментными и бумажными свитками. Тут же размещались сундук, две лавки, кресло византийской работы и огромный шкаф, украшенный искусной славянской резьбой.

– Вообще-то я в этом доме такой же гость, как и ты, – утешил слегка растерявшегося Филиппа Глеб. – Моя усадьба и мои земли находятся в земле Суздальской. А в Новгороде – только амбары да ладья.

В горнице, предназначенной для шевалье, находились ложе, пока не разобранное, стол, два кресла и две широкие лавки по углам. Ложе стояло у печи, выложенной керамической плиткой, на что Лузарш сразу же обратил внимание.

– Зимы у нас холодные, – пояснил охотно Глеб. – Куда холоднее, чем во Франции и Германии, не говоря уже о Сирии. Потому и клетки ставим без размаха, а горницы и вовсе делаем небольшого размера – протопить легче.

– Неужели вода в реках замерзает?

Глеб засмеялся:

– По льду мы ездим как по мощеным улицам в полном снаряжении, на покрытых панцирями конях.

Филипп не поверил, но поправлять Гаста не стал. Ну, хочется пошутить человеку, так пусть себе. Глеб, как успел заметить Лузарш, был куда разговорчивее своего брата, но говорил обычно по делу, не растекаясь словами по древу.

– А сколько детей у благородного Базиля?

– Четверо, – охотно откликнулся Глеб, опускаясь на лавку. – Старшему двенадцать исполнилось, младшенькой – два года.

– А ты почему не женат?

– Наверное, по той же причине, что и ты, – улыбнулся Гаст. – Жизнь уж больно беспокойная у меня.

– А старший брат твой, выходит, домосед? – хмыкнул Филипп. – Кстати, о Борисе тебя забыл спросить – вы ведь с ним, кажется, погодки?

– Живой, что ему делается, – махнул рукой Глеб. – Две жены у него, а детей семеро.

– Как две? – ахнул Филипп. – Зачем ему столько?

– Одну рядом взял, а другую у болгар увел. У вятичей это принято – плох тот витязь, что жены не украл. А мой брат среди тех витязей не последний. Замок его у истоков Волги стоит. Князь Юрий его разбойником величает, однако в дом зовет.

– Весело вы тут живете, – покачал головой Филипп.

– Можно подумать, что у вас в Сирии бароны живут миром да ладом.

– А ты не думай, Глеб, приезжай и посмотри.

– Уговорил, – кивнул Гаст. – Я обещал матери еще раз Гробу Господню поклониться и прочитать молитву о спасении ее души. Так уж получилось, что среди ее сыновей один я христианин.

– А Драган? – напомнил Филипп.

– Драган не слышал ее последнего слова, – нахмурился Глеб. – И у ее смертного ложа не стоял.

– Извини, – спохватился Лузарш. – Заговорился.

Стол накрыли в сенях. Куда и откуда ведет эта просторная галерея, Филипп, плохо ориентировавшийся в чужом доме, так и не понял. Окна здесь были невелики, но света хватало. Между окон висело оружие вперемешку с рогами убитых животных, поразившие шевалье своей величиной.

– Лосиные, – пояснил Базиль, заметивший удивление гостя. – Одного красавца я в Заволочье взял, у Северной Двины, а другого здесь в Новгородчине, у Ильменского озера.

Одет был Гаст по-простому – в шелковую рубаху, подпоясанную витым шнуром. Мечники, а их за столом сидело не более десяти, тоже не блистали нарядами. Судя по всему, это был не пир, а простой ужин, приготовленный для уставших после долгой дороги людей. Филипп облачился в лазоревую котту, которая покроем не слишком отличалась от славянских рубах.

Ели в основном птицу и свинину. Последняя в Византии пользовалась большим спросом, а вот в Сирии обходились без нее. Стояли на столе и еще, какие-то блюда, к которым шевалье с интересом присматривался, но взять в рот не решался.

– Грибы это, – засмеялся Глеб – Ешь, не отравишься. Осетрины попробуй. Икорку тоже мимо рта не пронеси. В Византии ее если и найдешь, то только за очень большие деньги, а о Европе я и вовсе промолчу.

Хмельной напиток из серебряной чарки ударил Филиппу в голову, но определить из чего он сделан, шевалье так и не смог, чем сильно позабавил благородного Базиля. На столе было и византийское вино, но мечники к нему практически не притрагивались.

– Из меда он сделан, – пояснил гостю Глеб. – Ты пей да меру знай, а то на ноги не встанешь.

Застолье уже подходило к концу, когда в сенях появился рослый человек, одетый в синюю шелковую рубаху и парчовое блио, которое Глеб назвал свитой. Новый гость был, похоже, равен хозяину рангом, поскольку Вузлев поднялся из-за стола ему навстречу и собственноручно поднес серебряную чарку, наполненную вином.

– Яромир Хабар, – назвал боярина Глеб, – староста Словенского конца. Не иначе как спрос пришел с нас чинить за порушенный Любек.

Однако благородный Яромир поначалу о чужом городе даже не заикнулся, а в первую очередь поздравил Вузлева и его мечников с благополучным возвращением из похода. Помянул боярин и Бога, но вскользь, не уточняя, о ком собственно ведёт речь. Видимо, он отлично знал, что хозяин терема язычник, а потому и соблюдал осторожность, не желая обидеть его с порога. На Филиппа староста Славянского конца произвел очень хорошее впечатление. Ликом благообразен, в жестах сдержан, речист, но без красноречия. За стол сел с большим достоинством, поклонившись не только Глебу с Филиппом, но и мечникам. Последние, впрочем, скоро сошли от стола, стоящего на небольшом возвышении, решив, видимо, не мешать предстоящему серьезному разговору.

Начал Хабар разговор с жалобы на тысяцкого Мстислава, заимевшего на старосту Словенского конца большой зуб из-за сущего пустяка, в котором сам Яромир уж точно был не повинен.

– Видели-де моего сына Олексу с его снохой. Но ведь свечку над ними никто не держал. За что же мне такое поношение? Вся Софийская сторона на меня поднялась, когда я за тебя, боярин Вузлев, слово замолвил. Из-за Любека, будь он неладен, вышел спор. А то, что война идет в землях славянских, не нами затеянная, нашей Господе дела нет. Нельзя германцам спуска давать, иначе они нам на шею сядут. Я это тысяцкому Мстиславу прямо в лицо сказал. А он выпучил буркалы, слюной брызгает, словно у него в Любеке родня. Договорился до того, что боярина Вузлева Гаста изгнать следует из Новгорода за его бесчинства. Гончарский и Наревский концы его тут же поддержали, а наши сидят, словно воды в рот набрали. Спасибо посаднику Якуну, он за тебя слово замолвил. Всего я тебе пересказывать не буду, боярин Вузлев, а только сватают тебя посадник и князь заместником в Заволочье. Земля сия обильна, а порядка должного там нет. Князьки местных племен не хотят дань платить Великому Новгороду. Булгарские ватажки бьют наших поселенцев почем зря, не давая им на той земле закрепиться. Словом, нужен в Заволочье заместитель, который может дать острастку и булгарам и мери.

– Выходит, все-таки изгнать меня решили? – нахмурился Вузлев.

– Не изгнать, а спрятать, – возмущенно всплеснул руками Хабар. – Германцы-то на нас не в шутку ополчились. Грозят, все договоры разорвать. Положим, на это у них кишка тонка. Но мелкие пакости они нам чинить будут, ты это знаешь не хуже меня. А так мы им скажем – был-де такой да вышел из нашей земли. Пусть они тебя на Северной Двине ищут.

– Подумать надо, – глухо отозвался Вузлев.

– Вот я и говорю – подумай, – кивнул Хабар. – А года через три об этом Любеке никто уже и не вспомнит.

– Просьба у меня к тебе, боярин Яромир, – задумчиво проговорил Вузлев, после недолгого молчания. – Проводи моего гостя, шевалье де Лузарша к архиепископу, тебе это сделать сподручнее, чем мне.

– От франков гость? – полюбопытствовал Хабар, с интересом разглядывая чужака.

– Из Святой Земли, – поправил его Филипп. – Письма у меня к архиепископу Новгородскому от обоих Иерусалимских патриархов, греческого и латинского.

– Провожу, – с охотой согласился Хабар. – За честь сочту. Шутка сказать – человек из Святой Земли. Тем более у меня дело есть к Нифонту. За сына хочу просить. Вот ведь незадача, боярин Вузлев, ему озоровать, а мне отвечать. Лучше бы я его с тобой отпустил. Далась ему эта Мстиславова сноха!

Покряхтев напоследок и осушив предложенную хозяином прощальную чарку, боярин Хабар покинул чужой терем, сославшись на неотложные дела. Глеб вопросительно взглянул на старшего брата, тучей нависшего над столом:

– Господа не вправе боярина из Новгорода изгнать, последнее слово за вечем.

– Не в Господе дело, – махнул рукой Вузлев.

– Вот я и говорю, у Хабара в Заволочье земли, у Якуна тоже, а ты при этих вотчинах сядешь цепным псом.

– Не маленький чай – не прогадаю, – усмехнулся Вузлев. – Я за свою службу с Господы три шкуры сниму. Не о том моя печаль, Глеб. Был у меня разговор с кудесником Богумилом по поводу новой земли, но о подробностях я даже тебе не могу сказать.

– Смотри, брат, – покачал головой Глеб, – втянут тебя руги в гиблое дело.

– Речь не о ругах, а о славянских богах, – махнул рукой Вузлев. – Мне решать – мне и отвечать.

Боярин Хабар сдержал слово и рано утром застучал червлеными сапожками по чужим половицам. Филипп ждать себя не заставил, чем, кажется, порадовал нетерпеливого Яромира. Боярин критически оглядел заезжего гостя и восхищенно прищелкнул языком:

– Хорош. Умеете вы, франки, пускать пыль в глаза.

Служка подвел Филиппу гнедого коня и тот с крыльца прыгнул в седло. Боярина Яромира сопровождали двое мечников – для порядка, пояснил тот. Видимо, этот визит был действительно очень важен для Хабара, выглядевшего не на шутку взволнованным.

– А у вас, латинян, прелюбодеяние – большой грех? – спросил боярин, выезжая за ворота.

– Это кому как повезет, – усмехнулся Филипп. – Иные грешат без устали, а с других спрашивают. Бывает, что и до смерти.

– Пришибить и у нас могут, – вздохнул боярин. – Но чтобы сразу же отправить в Иерусалим, на покаяние, такого у нас прежде не бывало. Чудит Нифонт. А у вас в Палестине, скажут, опять война?

– Воюем, – не стал спорить Лузарш.

– Вот я и говорю – не по вине спрос!

На Софийскую сторону переезжали по мосту, который Хабар не без гордости назвал Великим. Сооружение, соединяющее берега Волхова, действительно заслуживало уважения, так же впрочем, как и цитадель, построенная на левом берегу. В каменной цитадели находилась не только резиденция архиепископа, но и гордость Новгорода – Софийский собор. Собор сиял на солнце своими куполами, видимый едва ли не с самого дальнего края, широко раскинувшегося по обоим берегам реки богатого города. По словам Хабара, Гончарский конец был построен еще при князе Рюрике и являлся естественным продолжением Детинца. При князе Владимире здесь стали возводить христианские храмы. А ныне тут более десятка церквей большей частью каменных, хотя есть и деревянные. Правобережье стало застраиваться уже

при Ярославе Мудром, поставившем именно там свой двор. А прежде на том месте стояли капища языческие, которые сравнивали с землей еще во времена воеводы Добрыни. Хабар без устали поругивал мостовую Гончарского конца, хотя Филипп, как ни приглядывался, не смог обнаружить в ней ни малейшего изъяна. Впрочем, кто ищет, тот всегда найдет. И довольный боярин Яромир ткнул пальцем в сломанную жердину, буквально в сотне метров от Детинца:

– А это что, по-твоему? Во всей Деревской волости березы не нашлось, чтобы мостовую подправить? Ну, дай срок, найду я управу на боярина Тишину, будет знать, как тысяцкому в рот заглядывать.

В Гончарском конце немало было простых изб, но и боярских усадеб здесь находилось поболее, чем в Словенском конце. Причем преобладали здесь не терема, а каменные палаты, по виду не уступавшие византийским дворцам. Филипп обратил на это внимание Хабар, но тот в ответ плечами пожал:

– От куцега ума строят. Чтобы такую махину протопить зимой, надо все новгородские леса под корень извести. С греков эта глупость пошла. У нас ведь прежде в епископах только византийцы были. Это уже много после стали ставить славян, что не понравилось киевскому митрополиту. Из-за назначения епископа великий князь Всеволод повздорил с Михаилом. А тот митрополит, недолго думая, убыл в Константинополь, оставив стадо христово без присмотра. Разве ж так истинные пастыри поступают? Спасибо князю Изяславу, который собрал епископов всех наших земель и повелел им избрать главу из своей среды. Говорят, что патриарх Константинопольский выбор нашего синода не одобрил, и что теперь будет на Руси, один Бог ведает.

Архиепископ Нифонт на гостя взглянул с любопытством. Был он далеко не молод, невысок ростом и костляв, но держался с большим достоинством. Сам сел у камина, где полыхал огонь, гостю указал в кресло напротив. Боярин Яромир, обделенный вниманием хозяина, пристроился на лавке в углу. Филипп протянул письма патриархов Нифонту, который с интересом их прочел – сначала письмо грека Иоанна, потом письмо франка Фульхерия Ангулемского.

– О наших церковных нестроениях ты уже, вероятно, слышал, рыцарь Филипп, – первым начал разговор архиепископ.

– Слышал, – кивнул Лузарш. – И здесь в Новгороде, и в Византии от протоспафария Константина. В окружении императора Мануила это известие восприняли крайне болезненно, греки опасаются, что князь Изяслав, увлеченный сладкими речами венгерского короля Гезы, пойдет на сговор с Римом и тем порушит духовную связь между Византией и Русью.

– Ты ведь франк, рыцарь Филипп, – удивленно глянул на гостя архиепископ, – откуда такие познания в языке и наших с Византией церковных и мирских связях.

– Мой прадед был родом из Киева, в Франкское королевство пришел вместе с Анной Ярославной, отсюда и знание языка. Что же касается дел византийских, то, как тебе известно, святой отец, Антиохия ныне признала базилиевса Мануила своим сюзереном, а потому и дела империи мне не безразличны.

– Твой путь лежит в Суздальское княжество, рыцарь Филипп?

– Я не посол, святой отец, иначе выбрал бы более короткий путь. Скажу только, что в окружении базилиевса есть люди, заинтересованные в сближении Византии и Руси. Я везу письмо князю Юрию от протоспафария Константина Тротаниота, но что именно содержится в том послании – не ведаю.

– А что привело тебя в Новгород, рыцарь Филипп?

– Забота о паломниках, святой отец. В последнее время их количество увеличилось во много раз, и том числе и из ваших краев. К сожалению, путь в Святую Землю далеко не безопасен. Ограбление паломников стало делом заурядным. В Палестине создан рыцарский орден, взявший на себя охрану людей, жаждущих увидеть Гроб Господень. Но до Святой Земли еще нужно добраться. Паломники пребывают в Иерусалим обобранными до нитки. Орден тампли-

еров готов предоставить им защиту, но он неспособен накормить и дать приют всем обездоленным. Дабы помочь паломникам, тамплиеры организовали во многих землях свои представительства. В этих представительствах люди оставляют деньги и получают закладную с печатью ордена, по которой могут получить свои деньги уже в Святой Земле. Сенешаль тамплиеров Ролан де Бове полагает, что организация таких представительств в Новгороде и иных землях Руси будет полезной людям, отправляющимся к Гробу Господню. Впрочем, тамплиеры не исключают и иных форм сотрудничества, если здешние епископы сочтут нужным их предложить.

– Хорошее дело, – неожиданно вмешался в разговор Хабар. – Я бы подумал, архиепископ Нифонт. Вряд ли Господа будет возражать.

– Тебе и без того есть о чем подумать, боярин Яромир, – насупил брови хозяин, отчего его худое лицо стало почти злым. – Сына сбереги от дьявольских наущений, а дела церковные позволяй решать нам. Мы подумаем над предложением тамплиеров, рыцарь Филипп. Возможно, нам придется испрашивать благословения у патриарха Константинопольского, дабы не навлечь на свои головы новых бед. Такие дела не делаются в один день.

– Тамплиеры не ждут от тебя немедленного ответа, святой отец, – склонил голову Лузарш, – они понимают, что принятие решения может затянуться, тем не менее, сенешаль де Бове от имени ордена гарантирует защиту паломникам из Руси и заверяет тебя в глубочайшем почтении.

Архиепископ широким жестом благословил гостя из далекой земли, после чего Лузаршу осталось только откланяться. Впрочем, уже находясь за дверью, он услышал продолжение разговора между архиепископом и Хабаром.

– И не проси меня о снисхождении, боярин Яромир. Твой сын грешник, преступивший законы божьи и человечесьи. И получить отпущение он может, только преклонив колени пред гробом Спасителя. Иное уже не в моей власти.

Хабар догнал Филиппа уже на выходе из патриарших палат. Боярина буквально распирало от гнева. Благородный Яромир несколько не сомневался, что против него составлен заговор, вдохновителем которого был не только тысяцкий Мстислав, но и архиепископ Нифонт.

– А на меня он произвел очень благоприятное впечатление, – попробовал возразить боярину Филипп.

– Впечатление, – скривил губы Хабар. – Хитрый грек. С новым митрополитом Климентом Смолятичем он на ножах. Зато к Долгорукому благоволит, чтоб тому пусто было. Хотя у князя Суздальского в Новгороде врагов поболее, чем друзей.

– Почему? – удивился Лузарш.

– Охоч больно до чужого добра, – хмыкнул боярин. – Пря у нас недавно с ним вышла. До драки дело дошло. Так что ты о своей поездке в Суздаль не слишком распространяйся, рыцарь Филипп, а то до Ильменского озера не доберешься. Эх, маху я дал в свое время. Поссорился из-за куска земли с игуменом Юрьевского монастыря, а теперь мне этот лай выходит боком.

– Сколько лет твоему сыну? – спросил Филипп, садясь на коня.

– В прошлом месяце минуло двадцать. Вырос в добрую орясину, а ума не набрался. Кабы их у меня было семеро по лавкам, я бы смолчал. Единственный он у меня, рыцарь. Еще две девки на выданье, да какой с них толк. Сгинет Олекса в чужой земле и кончится род Хабаров на Новгородчине. А мы здесь еще до Рюрика жили. Вот тогда все мои вотчины, все нажитки монастырям отойдут, более принять их некому.

– Не оплакивай сына раньше времени, боярин, – утешил Хабара Филипп. – Я в тех землях родился и живой, как видишь. Слышал я, что боярин Глеб в Иерусалим собирается, Гробу Господню поклонится, вот с ним своего сына и отправь. Глеб родился в Святой Земле, у него там родные и близкие. Не даст он в обиду твоего сына.

– Глеб, говоришь?! – встрепенулся Хабар. – Спасибо тебе за совет, рыцарь. Но и ты не оставь Олексу своим вниманием. Все-таки ты в Иерусалиме не последний человек.

– С чего ты взял? – удивился Филипп.

– По лицу вижу, – усмехнулся Хабар. – Абы кого в наши края не пошлют. Да еще с письмами от патриархов.

Глава 5 Княжеская охота.

Олекса Хабар поглянулся Филиппу с первого взгляда. Похоже, боярин Яромир хоть породил одного только сына, зато вложил в него все свои силы и умение. Олекса был высок ростом, широкоплеч, русоволос, примечателен лицом и большими синими глазами. Если судить по движениям ладно скроенного тела, то и бойцом он был изрядным. Такой и себя в обиду не даст и за товарищей сумеет постоять.

– Хлебнем мы с ним горя, – подпортил общее впечатление от гостя скептически настроенный Глеб. – Уж больно он до женщин охоч. И в драках удержу не знает, дурья голова.

Гаст говорил эти слова прямо в лицо гостю, но тот только шурился да улыбался. Словно не видел в тех словах ничего для себя обидного. К столу он присел только после приглашения, поперед старших в разговоре не лез, словом начисто опровергал нелестное мнение, только что высказанное Глебом. Яромир Хабар попробовал было заступиться за сына, но потом рукой махнул:

– Что есть, то есть, рыцарь Филипп. Не смиренную овцу в твои руки передаю, а свирепого тура. Да и зачем тебе овца в землях, не просыхающих от крови.

– Золотые слова, – усмехнулся Вузлев. – Ты лучше скажи, Яромир, сколько мечников пошлешь с сыном?

– Троих пошлю, – вздохнул Хабар.

– Сколько? – переспросил Глеб.

– Пятерых, – откашлялся боярин. – Больше мне не понять и не прокормить до самого Иерусалима.

– Двадцать, – жестко сказал Глеб. – В Палестине по мечникам встречают, по ним же почет и уважение оказывают.

– Да ты что, боярин, на войну собрался? – аж взвился с лавки Хабар. – Богу поклониться – двадцать мечников бери! Ты меня без штанов оставишь. Вон, рыцарь, полмира прошел один как перст, а тут до Византии рукой подать, а там, говорят, сразу за околицей – Иерусалим.

– Ты кому это рассказываешь, боярин Яромир, – нахмурился Глеб. – У Филиппа замок в тех землях поболее новгородского детинца. Одних сержантов под рукой двести человек. Его тамошние князья боятся, с императором Мануилом он на дружеской ноге. А тут какой-то Хабар из Новгорода с тремя хромыми мечниками. Твоего сына никто на порог не пустит. Ты что хочешь, чтобы новгородский боярин жил на постоялом дворе среди нищих пилигримов? Да там ему за медяк сунут нож в бок. Не в Торжок мы едем, Хабар, – в Иерусалим, это понимать надо. Хочешь, чтобы сын назад вернулся – не жалея денег.

– А ты сколько человек берешь? – полюбопытствовал прижимистый боярин.

– Тридцать. На своей ладье мы с Олексой пойдем сначала в Киев, а уж потом через пороги и Черное море – в Византию. Дорога, конечно, хоженная, но оттого не менее опасная.

– Глеб дело говорит, – поддержал младшего брата Вузлев. – Не тот случай, боярин, чтобы мощну зажимать. Мечи сам подбери, ты в них толк знаешь. Кольчуга лучше двойная, поверх нее панцирь. Шлем с личиной. Сулиц десяток. Тула полная стрел. Лук боевой с костяными пластинами. Мечников подбирай побойчее. И снаряжай получше. От их сноровки будет зависеть жизнь твоего сына.

– Задали задачку, – вздохнул Яромир, почесывая затылок. – Ладно, будь по-вашему. За мной не пропадет.

Хабары, отец и сын, покинули чужой терем в разном настроении: сам боярин выглядел озабоченным и озадаченным, зато молодой Олекса смотрелся соколом, нацелившимся на добычу. Вузлев с Филиппом проводили гостей с красного крыльца, да так и остались здесь

стоять, наслаждаясь прохладой. День сегодня выдался жаркий, но к вечеру с Волхова потянул ветерок, перебивший запахи скотного двора.

– Ты мне еще не сказал, зачем тебе Юрий Суздальский понадобился, – проговорил Вузлев, не оборачиваясь.

– Долго рассказывать, – вздохнул Филипп.

– Время у нас есть, – пожал широкими плечами боярин.

Антиохия переживала нелегкие времена. После внезапной смерти графини Алисы у нее объявился наследник – Рожер Сицилийский. У нурмана были обширные планы не только в отношении Жемчужины Востока, но и Византийских земель в Средиземноморье. Дошло до того, что он заключил союз с Фатимидами и теперь всерьез угрожал не только Константинополю, но и крестоносцам – Антиохийскому и Триполийскому графствам. Раймунд де Пуатье оказался слишком слаб, чтобы в одиночку бороться с напористым Рожером. Тем более что в самой Антиохии не было единства. Бароны-нурманы готовились поддержать соплеменника, что, естественно, не нравилось французам, обратившим взоры в сторону Мануила. В свою очередь Византия заключила союз с германским королем Конрадом Гогенштауфеном. Исходя из принципа: враг моего врага – мой друг. Гогенштауфенам в Германии и Италии противостояли сторонники Вельфов, которых поддерживали папа, Рожер Сицилийский и венгерский король Геза. К союзу с последними склонялся и Людовик Французский.

– А как же крестовый поход? – удивился Вузлев, внимательно слушавший старого товарища.

– В Константинополе опасаются, что возможной целью похода является вовсе не освобождение Эдессы от мусульман, а разгром Византийской империи. И участие в этом походе Конрада вовсе не является гарантией сохранения имперских земель. Тем более что изрядную часть армии алеманов составляют сторонники Вельфов. Любая провокация с их стороны может привести к катастрофическим для Византии последствиям.

– А при чем здесь князь Юрий? – нахмурился Вузлев.

– Дело не в Юрии Суздальском, а в Изяславе Киевском, заключившим союз с венгерским королем. В результате его действий Русь может оказаться под опекой папы Евгения. И тогда не только Гогенштауфены, но и Комнины останутся в полной изоляции, чем немедленно воспользуются их враги. Мне, Вузлев, нужен поход крестоносцев на Халеб и Мосул, где сидят сыновья покойного Зенги, Нуреддин и Сейфутдин, а вовсе не на Константинополь. Византия пока является единственным гарантом независимости Антиохийского графства, вот почему я отстаиваю здесь в Руси ее интересы.

– Иными словами, мой единокровный брат Константин Тротаниот хочет сравнить Юрия с Изяславом, дабы вернуть Византии былое влияние в делах Руси? – криво усмехнулся Вузлев.

– Насколько я знаю, эти двое и так не мирят между собой, – пожал плечами Филипп. – Для Византии Юрий Владимирович предпочтительнее Изяслава Мстиславовича, и базилиевс сделает все от него зависящее, чтобы именно князь Суздальский занял киевский стол. Это неизбежно приведет к ослаблению Венгрии и распаду союза государств, враждебных Византии.

– В ответе Юрия Долгорукого ты можешь не сомневаться, Филипп, князь Суздальский готов продать душу хоть дьяволу, хоть базилиевсу, только бы стать первым в наших землях. Зато суздальским боярам твое предложение вряд ли понравится, им нужен сильный князь не в далеком Киеве, а в родной земле. Князь, который усмирит вятичей, отобьет насоки болгар, а главное припугнет смердов, недовольных своеволием старейшин. Суздальские и ростовские бояре и без того жалуются, что Юрий тратит их деньги на войну с Изяславом, а потому они сделают все от них зависящее, чтобы помешать союзу Долгорукого с базилиевсом.

– А ты на их стороне, боярин Вузлев? – прямо спросил Лузарш.

– Нет, – покачал головой Гаст. – Мне не нужен сильный князь в Ростово-Суздальской земле. Со смердами я сам договарюсь. Не говоря уже о вятичах. Именно вятские витязи и ста-

рейшины могут стать твоими союзниками, Филипп, и вовсе не потому, что их волнует судьба Константинополя или Киева, просто они рады будут избыть Долгорукого со своей земли.

– Интересный расклад, – задумчиво произнес Лузарш. – Но в любом случае я рад, что наши интересы совпадают.

Боярин Хабар настоятельно советовал Вузлеву идти от озера Ильменского на Селигер, однако Гаст выбрал другой путь – по рекам Мсте и Медведице, далее по реке Нерли и ее притоку Каменке, на берегу которой как раз стоял город, в который шевалье де Лузарш так стремился попасть.

– Опасный путь, – покачал головой боярин Яромир. – Мало хоженный.

– Мы на трех ладьях пойдем, – возразил Вузлев. – Налегке, без товара. Полторы сотни мечников – серьезная сила. Не всякий к нам сунется.

– Тебе виднее, – не стал спорить с опытным человеком Хабар. – Доброго вам пути.

Глеб опасался, что обмелевшие в летнюю пору реки станут препятствием на пути трех массивных ладей, но пока все обходилось. Местами ладьи скребли дном по речному песку, но крупных неприятностей упорному Вузлеву удавалось избегать. Филиппа не на шутку пугали здешние леса, которым, казалось, конца края не будет. Новгородцам, случалась, сутками плыть по реке, не встречая человеческого жилья. Кругом, куда хватало глаз, стояли непроходимые дебри – лиственные, хвойные, но большей частью смешанные, где, по словам мечников, не ступала нога человека. Вузлев торопился, а потому грести приходилось не только днем, но и ночью. Филипп давно уже запутался, где заканчивается одна река и начинается другая. Вроде они только что гребли против течения, напрягая остатки сил, а ныне их уже несет вперед неведомая сила. На привал останавливались считанные разы, дабы подкрепиться горячей пищей, в остальное время спали прямо в ладьях, сменяя друг друга на веслах. К удивлению Лузарша, мечники не роптали. Похоже, для них такой способ передвижения был привычен. Для Филиппа же неравномерное чередование сна и гребли поначалу показалось просто убийственным, но потом он притерпелся, вошел в ритм и даже умудрялся выкраивать время для разговоров с Глебом и Олексой. От них он узнал, что леса занимают большую часть Ростово-Суздальской земли. А города и села здесь строят обычно в ополках, обширных пространствах, выделяющихся в этом древесном море, словно проплешины на голове заросшего волосами человека. Суздаль не был в этом ряду исключением. Где находятся границы этой земли, не знал никто, включая самого князя. Что не мешало ему, однако, собирать налоги, называемые здесь данью, со всех людей, ковырявших благодатную почву плугом, сохой или лопатой. Треть этой дани шла Юрию, еще треть поступала в казну княжества, а оставшиеся деньги передавались городу, в окрестностях которого селились смерды. Споры о дани были едва ли главной причиной раздоров между князем и горожанами, среди которых верховодили бояре. Сами бояре, владевшие обширными вотчинами, налогов князю не платили. Прямых налогов не платили и ремесленники. Зато с них взимали плату за торговое место, пошлину за ввоз и вывоз и бесчисленные штрафы, за совершенные проступки и преступления. Смертной казни в землях Руси не было. За убийство и увечье полагался большой штраф. Причем жизнь боярина, мечника или купца стоило гораздо дороже жизни ремесленника-горожанина и уж тем более простого землепашца. Платили и за убийство раба, неважно своего или чужого. За убийство родовичей мстили, но это уже по обычаю, а не по закону. Что, однако, не мешало властям взимать штрафы с мстителей в том же порядке, что и с обычных убийц. В качестве судьи обычно выступал сам князь, либо назначенные им люди. Торговые тяжбы разбирали посадники. Был еще церковный суд, для людей находящихся в той или иной зависимости от монастырей и храмов. Землей владели не только бояре, но ближние к князю мечники из старшей дружины. Обычно эту землю мечникам жаловал князь за верную службу. После чего она становилось полной собственностью человека, которому была пожалована, и он мог поступить с нею, как заблагорассудится. Последнее обстоятельство особенно поразило Филиппа, который привык совсем к другим порядкам, как

в Европе, так и в Святой Земле. Там рыцарь получал землю в качестве временного владения и терял ее сразу же, как только переходил на службу к другому сеньору. Конечно, он мог передать землю сыну, но только после принесения последним вассальной присяги, или отдать ее в залог монастырю, но все повинности, которые нес владелец дарованной сюзереном земли, при этом переходили на заимодавца. Теперь уже новый владелец земли вынужден был поставлять сеньору нужное количество снаряженных воинов для похода и выполнять повинности по ремонту мостов и дорог. Подобные порядки заставляли рыцарей держаться своих сюзеренов, ибо в случае отъезда за ними оставались только конь и меч. Конечно, могущественные бароны могли себе позволить вольности в отношениях с государями, но в этом случае они подавали дурной пример собственным рыцарям, что было чревато в будущем большими неприятностями. Тут уж каждый барон мог полагаться только на собственную силу и врожденную наглость, ибо закон и обычай были не на его стороне.

– Это что же, – удивился Олекса Хабар, – я даже над своей вотчиной не властен? А князю, выходит, даром должен служить? На что он мне такой князь сдался. Собрали бы вече, да и прогнали его с глаз долой.

– Ты при Юрии такого, смотри, не ляпни, – остудил пыл Олексы опытный Глеб. – Князь Суздальский спит и видит себя самовластцем, которому ни вече, ни бояре не указ. В каждой земле свои обычаи, Хабар. Это ты в Новгороде будешь безнаказанно горло драть, а гостях веди себя поскромнее. В той же Византии базилевс волен строптивного боярина в железа заковать, а то и жизни лишить, не говоря уже об имуществе. Это уже не самовластец, а деспот.

– Недаром же говорят, что в гостях хорошо, а дома лучше, – сделал Олекса вывод, развеселивших его старших товарищей. Впрочем, Филипп вынужден был согласиться с Глебом, что в словах молодого Хабара есть своя правота. Для любого землевладельца, будь он патрикий, барон или боярин, новгородские порядки были предпочтительнее византийских.

Город Суздаль уступал Новгороду не только размерами, но и количеством каменных церквей. Собственно каменным здесь был только собор Рождества Богородицы, а все остальные церкви хоть и блистали почти сказочной красотой, сложены были из бревен. Цитадель, возвышающуюся на холме, суздальцы тоже построили из дерева и довольно давно, если судить по толстым лесинам, потемневшим от времени. А сам город лежал у подножья этого холма, окруженный огородами и пашнями, служившими едва ли не главными поставщиками еды для его жителей. Торг в городе велся бойкий, но все же сильно уступал новгородскому. На что Филипп обратил внимание Глеба.

– Сравнил, – усмехнулся Гаст. – В Новгороде все пути сходятся – и днепровские, и волжские. А Суздаль прежде если торговал, то только с Волжской Болгарией. Правда, сейчас для здешних купцов еще один путь открылся – на Смоленск. Но ведь этим путем еще воспользоваться надо. А местные бояре в торговле не слишком бойкие. Да и чего им суетиться – все, что нужно, у них под рукой. Земля суздальская родит не в пример новгородской. Дичи в лесах полным-полно. Меда здесь столько, что хоть половицы им натирай. Опять же мех бобровый всегда в цене. Бери, пока дешевы, Филипп. Из бобра шапки особенно хороши, не говоря уже о шубах.

Бояре суздальские оказались куда спесивее новгородский. Тысяцкий Порей долго сверлил гостей глазами, прежде чем сесть предложил. Двое его товарищей, люди, судя по всему, не последние в городе, тоже оказались на редкость хмурыми и нелюбезными. Быть может потому, что принимали новгородцев не в своем тереме, а в княжьих палатах. Палаты были каменными, построенными совсем недавно на византийский манер, и казались необжитыми из-за отсутствия росписи на стенах и деревянных половиц, заменивших привычные Филиппу мраморные плиты. Словом, дворцу князя Юрия не хватало блеска, а немолодые бояре, заросшие по самые ноздри бородами, вряд ли могли скрасить общее впечатление от недостроенных хором. Вообще Суздаль представлял собой, по мнению Лузарша, странную мешанину из почтенной старины и

новодела. Создавалось впечатление, что князь Юрий, взявшийся было украшать свою столицу, быстро к этому занятию охладел, не успев толком завершить начатое.

– Давно тебя в наших краях не видели, боярин Гаст, – буркнул тысяцкий, кося глазами на Филиппа, в котором безошибочно признал чужака.

– Уж больно вы, суздальцы, смурной народ, – усмехнулся Вузлев. – Ни слова ласкового от вас не дождешься, ни чарки доброго меда.

– Это за что же мы тебя должны поить, Гаст, – вскинулся чреватый боярин, сидевший по правую руку от тысяцкого. – Не успел князь Юрий из Суздаля съехать, как твой брат Борис стал наши крепостцы зорить и пакостить без меры.

– Если Борис виновен, то за разбой ответит, – пожал плечами Вузлев. – А если та крепость на его земле была поставлена, то мой брат в своем праве, боярин Гудим.

– А слово князьке ему уже не указ, – побурел от обиды тысяцкий. – Та крепость нас от болгар защищала, а как Борис ее снес, тут же налетели мордвины и поселения наши разорили. Его счастье, что полон он у мордвин отбил, а то князь Юрий снял бы с него шкуру.

– Не трогай чужого, Гудим, – нахмурился Вузлев, – и не вводи других в искуc. От новой ссоры князя с вятичами Суздалю прибýtка не будет. В крови захлебнетесь.

– Он нам еще и грозит! – возмутился чреватый боярин. – Да кабы ты не был сестричадом князя Юрия, я тебя бы в город не пустил.

– Много берешь на себя, Гудим, – пыхнул гневом Вузлев. – Я в этой земле не последний боярин. И чтобы меня остановить, твоего слова мало будет. Придется в вечерной колокол бить.

– Будет ужó вам, – вмешался в разговор третий боярин с поседевшей от прожитых лет головой. – А ты, боярин Гудим, думай, что говоришь. Кто тебе позволит за вину Бориса, мнимую или истинную, с его брата взыскивать? На это даже у князя прав нет.

– Князю Юрию следовало бы за свой стол держаться, а не мотаться по земле в поисках чужого, – в сердцах воскликнул Гудим. – Ты, Стоян, здесь человек пришлый, а нам до твоего Киева дела нет.

– И до всей Руси тебе дела нет? – возвысил голос Стоян.

– Пусть той Русью Киевской Изяслав правит, – почти взвизгнул Гудим, – а у меня своя земля – Суздальская.

– Хватит, – остановил расхордившихся бояр тысяцкий. – Пустой спор. И Киева нам пока не видать, и Суздаль у нас никто не отнимет. С чем приехал к нам, боярин Вузлев?

– Человека привез с письмом к князю Юрию, – спокойно ответил Гаст.

– А откуда письмо?

– Из Византии.

– Князь сейчас в Москве, – вздохнул тысяцкий. – Там у него встреча назначена с курским князем Святославом. Поохотиться вместе они решили.

– Эта охота нам еще выйдет боком, – не удержался от злого пророчества боярин Гудим. – Втянет нас в войну с Киевом Гореславич, ему за брата мстить надо, а мы, выходит, до кучи пойдем.

– За какого еще брата? – удивился Вузлев.

– Так ведь убили в Киеве Игоря Олеговича, – вздохнул горестно Стоян. – Прямо в храме. Говорят, что народ на него осерчал, да только кто в это поверит.

– Я поверю, – вскинулся Гудим. – Игорь метил на место покойного брата Всеволода Олеговича, а народ киевский никого видеть не хочет на своем столе, кроме сына покойного князя Мстислава. И Юрия Владимировича они не хотят!

– Юрий в роду Рюриковичей старший! – взвился с места боярин Стоян. – Не может племянник выше дядьев сидеть, в том великое поношение всех наших законов и обычаев. Этак и боярин Вузлев может себя суздальским князем назвать, благо он одной с Рюриковичами крови.

– Гаст он, а не Рюрикович, – буркнул тысяцкий Порей. – Не возводи напраслину на человека. Мало нам счетов меж князей.

– Я ведь так просто, – пошел на попятный Стоян. – К слову пришлось. А Изяслав кругом не прав! Такого не было прежде между Рюриковичей, чтобы родных по крови убивать.

– Не Изяслав же убил – народ взбунтовался!

– А великий князь в стороне стоял, когда чернь в Киеве бесчинствовала? – криво усмехнулся Стоян. – Чернь ни с того, ни с сего не поднимется, ее подтолкнуть надо.

– Нет у нас сил против Изяслава Киевского! – стоял на своем Гудим. – Пусть черниговцы мстят, а мы свою землю разорять не дадим. Да и чем воевать-то – казна пуста! Разве что твои византийцы, боярин Вузлев, денег князю дадут?

В голосе боярина Гудима явственно прозвучала насмешка. Византийцы по всей Руси славились скупостью. Чужое взять – это пожалуйста. Но чтобы свое отдать – такого прежде не бывало. А потому и задавал свой вопрос Гудим в полной уверенности, что спесивому Гасту ответить будет нечем. Однако неожиданно для суздальцев Вузлев свое слово сказал, и прозвучало оно веско:

– Коли договорятся, то дадут. Сестру свою предлагает император Мануил в жены князю Юрию, такой вот, бояре, получается расклад.

От таких вестей Гудим потерял дар речи, губами-то шевелил, а слова в горле застряли, Стоян не выдержал и ткнул его в бок кулаком.

– В крови утонем, – выдохнул, наконец, упрямый боярин, и слова его прозвучали под гулкими сводами княжеского дворца как страшное пророчество.

Крепость Москва была выстроена еще во времена Монамаха, стараниями его старшего сына Мстислава, крепко невзлюбившего вятичей, обитавших в этих краях. И сам великий князь Владимир и все сыновья его крепко держались христианской веры. Зато вятичи отрекаться от славянских богов не торопились, христианских проповедников гнали из своих лесов, словно докучливых мух. Князь Мстислав терпел их непотребства долго, до тех самых пор, пока упрямые лесовики не убили праведника Феофила, посланного к ним аж из самого Константинополя. Тут уж терпение у Мономашича лопнуло, и он взялись за вятичей всерьез. По замыслу Мстислава, Москва должна была стать оплотом христианства в этом диком краю. Однако после смерти Мстислава его преемникам стало не до Москвы. И даже не до вятичей, закосневших в своем ослином упрямстве, – великий стол делили князья, отпихивая один другого. Уже много позднее вспомнил о Москве Юрий Долгорукий, младший брат Мстислава. А крепость к тому времени подолом успела обрасти. Сели у ее стен те же вятичи, малым, правда, числом, зато с истинной верой в душе. Князь Юрий, решивший впопыхах, что пример москвичей для всех прочих вятичей наука, собрался было силой принудить непокорное племя к вере христовой, но обломал зубы о вятские пни и пошел с лесовиками на мировую. Однако москвичей с тех возлюбил и не раз за радение в вере в пример другим ставил. А те и рады стараться – рыбы в реках вдоволь, пашня родит, охота в окрестных лесах на зависть всей Суздальской земле. Живи да благоденствуй!

Боярин Кучкович, в усадьбе которого Вузлев и его люди остановились на постой, москвичей терпеть не мог. И не стал скрывать своего недовольства соседями от гостей. Спор у боярина Мирослава шел с горожанами из-за охотничьих угодий и достиг уже того накала, когда стороны хватаются за оружие. Теперь свои надежды и москвичи, и боярин Кучкович связывали с князем Юрием. Мирослав был почему-то уверен, что Долгорукий своего нового родственника не обидит и обитателям подола, еще не ставшими горожанами, придется-таки умерить свой пыл.

Усадьба Кучковича, обнесенная рвом и высокой стеной из бревен, практически ничем не отличалась от рыцарских замков, преобладавших в Европе. Разве что вместо донжона или паласа, предназначенного для жилья, здесь возвышался огромный терем, превосходивший сво-

ими размерами все подобные сооружения, виденные Филиппом в Новгороде и Суздале. Кроме терема в усадьбе стояла и церковь, уступавшая терему размерами, но все же способная вместить под своим кровом до полусотни человек. О хозяйственных постройках можно было бы даже не упоминать, если бы не вместительная конюшня – гордость хозяина усадьбы. Боярин Кучкович содержал табун лошадей, сильных и выносливых, годных для битвы.

– Сотню конных мечников могу выставить, – гордо вскинул голову хозяин. – А пеших копейщиков до пятисот.

Вузлев Гаст сдержанно похвалил коней, Филипп особенно отметил жеребца, завидных статей, чем, кажется, угодил хозяину. Воспользовавшись случаем, Лузарш напомнил ему о встрече, пятнадцатилетней давности в Антиохии. Боярин Мирослав, мало, к слову, изменившийся за минувшие годы, хлопнул себя ладонью по крутому как у волка лбу:

– А я все никак не мог вспомнить, где тебя видел, рыцарь! Вот уж действительно занесло тебя с берегов теплого моря в наши студеные края.

– Не такие уж они студеные, – засмеялся Филипп, вытирая пот со лба.

– Ты зимой к нам приезжай, рыцарь, вот тогда ты в полной мере оценишь мое гостеприимство.

Кучкович, несмотря на свои пятьдесят лет, производил впечатление очень здорового и сильного человека. Он был высок ростом, жилист, скор в движениях, а озорному взгляду его синих глаз мог бы позавидовать любой юнец. Удачлив боярин Мирослав был не только в походах и набегах, но и в детях. Одних сыновей у него было семеро. Причем старшему уже перевалило за тридцать, а младший еще качался в зыбке. Дочерьми Кучкович тоже языческие боги не обделили. Старшая, как успел узнать Филипп, была замужем за Борисом, средняя – за еще одним Гастом, доводившимся двоюродным племянником благородному Венцелину, а третья дочь, Улита, полгода назад вышла замуж за князя Андрея, сына Юрия Суздальского. У Андрея, который, по словам боярина Мирослава, был почти ровесником Филиппа, первый брак не сложился, жена умерла при родах, и Кучкович очень надеялся, что его дочь принесет князю наследника крепких вятских корней. По части крепости вятичи действительно могли поспорить с кем угодно. Двор боярина был заполнен круглоголовыми, широкоплечими молодцами, твердо стоящими на ногах. Усадьба Кучковича оказалась столь обширна, что вполне могла претендовать на статус небольшого городка. Кроме терема, церкви и хозяйственных построек, здесь стояли еще и четыре десятка изб, предназначенных, судя по всему, для женатых мечников. А всего население этой боярской крепости насчитывало не менее пятисот человек, включая естественно детей и женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.